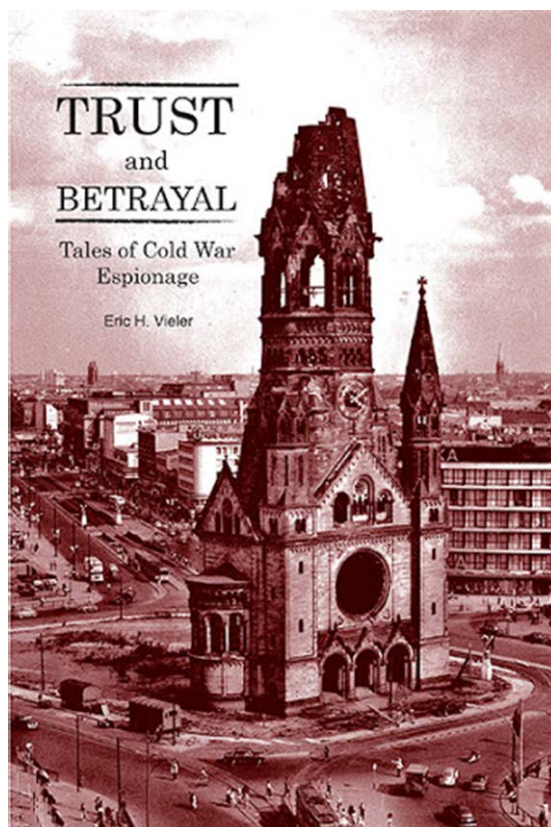

Эрик Х. Вилер

ДОВЕРИЕ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Рассказы о шпионаже Холодной войны

Оригинал: Eric H. Vieler, Trust and Betrayal. Tales of Cold War Espionage, Friesen Press (January 29, 2014)

Сокращенный перевод с английского Виталия Крюкова, Киев, Украина, 2015 г.

О книге: 1957 год, Западный Берлин. Капитану армии США Эрику Вилеру поручают руководить идентификацией, проверкой, разработкой и использованием самых обычных немецких граждан – в качестве шпионов. В то время Берлинская стена еще не была построена, но напряженность Холодной войны между западными союзниками и Советами в Восточной Германии весьма реальна. Это шахматная доска с множеством фигур – агенты, «кураторы», агенты влияния

и... двойные агенты. Это время, которое характеризуется обманом, предательством, позором и потерями, как личными, так и государственными.

«Доверие и предательство: рассказы о шпионаже Холодной войны» предоставляет читателю информацию из первых рук, от человека, пережившего описываемые события. Это его честный взгляд на то опасное время, на конфликты – внутренние и внешние, на правду и ложь, давление и интриги, характеризовавшие реальные события жизни Вилера. Его жизнь и история не похожи на жизнь и историю других людей.

Об авторе: Эрик Вилер родился в Нью-Йорке 7 декабря 1931 года в семье немецких иммигрантов. Его семья в 1934 году вернулась в Германию, где он ребенком пережил Вторую мировую войну в промышленном районе Вестфалии. После войны, когда ему было немногим больше тринадцати лет, он уже работал переводчиком для британских оккупационных сил в Германии, а затем был репатрирован в Соединенные Штаты в 1947 году. Он жил в Куинсе, Нью-Йорк, где окончил среднюю школу. После начала войны в Корее в 1950 году он записался в американскую армию, прошел подготовку на офицерских курсах и в возрасте 19 лет в звании второго лейтенанта начал служить в пехоте.

(Здесь и далее под «армией» следует понимать сухопутные войска США (U.S. Army) – прим. перев.)

Он был командиром пехотного взвода в седьмой пехотной дивизии в Корее и участвовал в сражениях у Треугольной сопки, холма «Свиная отбивная» и «Олд Болди». Он был трижды ранен, в последний раз 24 марта 1953 года, это было самое тяжелое ранение, едва не стоившее ему жизни. Вилер был награжден Серебряной звездой, Бронзовой звездой за доблесть и тремя медалями «Пурпурное сердце». После девяти месяцев госпитализации, главным образом в Центральном армейском госпитале Уолтера Рида, он отказался выйти в отставку по состоянию здоровья, решив остаться на действительной военной службе.

Случайная встреча с офицером управления разведки в Пентагоне привело к приглашению Вилеру присоединиться к программе полевой оперативной разведки (Field Operations Intelligence). После обучения в Форт-Холабёрд его направили в Германию.

После замечательной карьеры в разведке, продлившейся более двадцать лет, Эрик Х. Вилер вышел в отставку в звании полковника в 1976 году.

В 1996 году он получил докторскую степень в области политологии в Университете штата Невада. Его диссертация «Идеологические корни немецкого национал-социализма» была опубликована издательством «Peter Lang, Inc.». Он написал также две автобиографии, мемуары о Корейской войне под названием «Пункт назначения: зло» и «Самостоятельное путешествие», где описывал свою молодость; обе книги были изданы «Hamilton Books».

Его имя увековечено в Зале славы Пехотной школы, а также в Зале славы Военной разведки. Эрик Вилер живет в Сан-Франциско со своей красивой женой Викки.

Генерал-майор Ричард Пратер, командующий Центра разведки сухопутных войск США (U.S. Army Intelligence Center) и комендант Форт-Холабёрд, награждает капитана Эрика Х. Вилера Почвальной медалью армии США в январе 1961 года, за его достижения в период, описанный в этой книге.

От переводчика: Эрик Вилер, американский разведчик немецкого происхождения, в своей небольшой книге рассказывает о своей работе в военной разведке армии США в Германии в конце 1950-х годов. По сути, речь идет о беллетризованных мемуарах, в которых автор, изменив при этом имена действующих лиц и даты, описывает самого себя под именем Пола Вогта. Вилер-«Вогт» в Германии занимался т.н. полевой оперативной разведкой, т.е. вербовкой местных немцев в качестве агентов с целью получения разведывательной информации на театре военных действий. В конце 1950-х и самом начале 1960-х годов, до появления разведывательных спутников, основной задачей этих агентов было раннее оповещение о возможных военных приготовлениях противника.

Вилер описывает исключительно свой собственный опыт, поэтому в книге ничего не рассказывается о деятельности других западных спецслужб в Германии в этот период: ЦРУ, АНБ, западногерманской разведки БНД, что же касается их противников, то деятельность Штази описывается очень кратко, а КГБ не упоминается вообще.

Автор не является профессиональным писателем, поэтому книга его написана в простом, даже невзыскательном стиле, но ценность ее не в литературных достоинствах, а в информации из первых рук от человека, заставшего один из самых напряженных моментов Холодной войны, и в колорите разделенной Германии того времени.

Как автор, так и его герой, «альтер-эго», как уже было сказано, являются американскими немцами. Разумеется, как и многие другие переехавшие в США немцы, он «американизировал» свое имя и фамилию, превратившись из Эриха Филера в Эрика Вилера. То же самое можно сказать и о герое книги, который в Германии, конечно, носил имя не Пол Вогт, а Пауль Фогт, как к нему и обращались окружавшие его немцы. Однако во избежание путаницы я везде указывал его имя и фамилию только как «Пол Вогт». Имена же всех «неамериканских» немцев в произведении приведены в немецкой транскрипции.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Глава первая: 13 февраля 1959 года, Нидерверн, Западная Германия

Глава вторая – взгляд назад: 18 декабря 1953 года, Вашингтон, округ Колумбия

Глава третья: январь 1957 года, Бад-Киссинген, Западная Германия

Глава четвертая: март 1959 года, Бад-Киссинген, Западная Германия

Глава пятая

Глава шестая

Глава седьмая

Глава восьмая

Глава девятая

Глава десятая

Глава одиннадцатая

Глава двенадцатая

Глава тринадцатая

Послевоенная Германия: до и после Берлинской стены, автор Эрик Вилер

Благодарности

Примечание автора:

Эта новелла была вдохновлена событиями, которые происходили в Германии в конце пятидесятых и в начале шестидесятых годов; событиями, в которых участвовал сам автор. Очень многие имена и даты были изменены, и некоторые заключительные сцены являются, по сути, лишь предположениями. Основная цель книги состояла в том, чтобы рассказать захватывающую историю, опираясь на личный опыт.

Глава первая

13 февраля 1959 года, Нидерверн, Западная Германия

Глаза Цэске были сердиты. Его волосы были взъерошены, руки дрожали, и, казалось, что он готов был броситься на Вогта. Даже через всю гостиную Вогт безошибочно чувствовал исходящий от Цэске запах алкоголя. Вогт редко видел настолько пьяного человека, и у него возник вопрос, не был ли причиной этого коньяк «Реми Мартен», которым его и его команду иногда снабжали в качестве стимула.

В свои сорок пять лет Эрвин Цэске производил солидное впечатление, когда был трезв. Хорошо сложенный мужчина ростом приблизительно шесть футов, у которого были серые глаза и длинные светлые волосы, уже седеющие на висках. Он напоминал немецкого киноактера Курда Юргенса. Но при первом же взгляде на него в глаза бросался пустой правый рукав: Цэске потерял руку на войне в России в 1944 году.

Обычно вежливый и даже заботливый по отношению к Вогту, Цэске сегодня был сам на себя не похож. Немного шатаясь на нетвердых ногах, он налитыми кровью глазами пристально смотрел на Вогта с воинственным презрением.

- Послушайте, Хуго! – сказал он, используя имя, которое Вогт дал ему. – Я должен был выбраться из этого проклятого богом «каффа», и вы, черт бы вас побрал, вы так и не сделали этого для меня!

Словом «Kaff» немцы называли примитивную африканскую деревню, и именно так Цэске воспринимал то место, где он жил. Он разглагольствовал о том, насколько несчастны он и его жена Хельга в этой крошечной отсталой деревне в предместьях Швайнфурта с ее немощеными улицами.

- Мы ведь жили в Берлине, вы знаете. Даже Франкфурт... Я мог бы быть счастлив во Франкфурте.

Вогт ничего не говорил.

- Я здесь как в ловушке, и это ваша вина.

Затем он затих, как будто не был уверен в том, что он еще должен был сказать.

Такое громкое и резкое выступление Цэске сильно встревожило и рассердило Вогта. Это была та сторона Эрвина Цэске, которую он не видел прежде – хотя

он работал с этим человеком уже больше двух лет. Он никогда не доверял ему полностью, но в его ремесле это было естественным. Оперативный офицер с большим практическим опытом мог бы ответить иначе, но Полу Вогту еще не было и тридцати лет. Он стоял, чувствуя, что его авторитет подвергли сомнению.

- Мне жаль, что вы воспринимаете это так, Эрвин, – сказал он, собирая свои вещи. – Можете спокойно ехать, куда хотите. Наши дела с вами закончились.

Лицо Цэске немного побледнело, но он ничего не сказал.

- Я вернусь завтра с документом об отказе от претензий. Вам надо будет подписать бумаги. Возможно, вам следует проспаться к тому времени.

Следующим утром Вогт нашел его, как было обещано. На сей раз Эрвин Цэске был трезв, точно таким, каким он был прежде. Он был несколько смущен, но не извинялся.

Их встреча, продлившаяся около тридцати минут, была деловой, без праздной болтовни. Вогт вытащил пачку бланков, которые Цэске должен был подписать, среди них было соглашение о том, что он никогда не будет никому сообщать о своих отношениях с американской разведкой. Затем Вогт заплатил Цэске четыреста западногерманских марок, которые американская разведка была должна ему, и попрощался с ним со словами «Auf Wiedersehen».

Но ни один из них в то время не знал, что это еще не было концом их отношений.

Глава вторая – взгляд назад

18 декабря 1953 года, Вашингтон, округ Колумбия

Первый лейтенант Пол Вогт был выписан из Центрального армейского госпиталя Уолтера Рида в день, когда ему исполнилось двадцать два. Он восемь долгих месяцев лечился там после ранений, полученных в Корее. Его правая рука все еще болела и была ограниченной в движении, а его правый глаз, как предполагали, мог навсегда утратить зрение. Однако он был счастлив тем, что мог провести свой день рождения и праздники с Соней, своей женой. В предыдущем году их разделяли более восьми тысяч миль.

Они уехали из Вашингтона и направились в Нью-Йорк, чтобы встретить Рождество с семьей Сони. Хотя у него была возможность уйти с военной службы по состоянию здоровья, Вогт решил остаться на действительной военной службе. Его направили в Форт-Девенс, Массачусетс, в 278-ю полковую боевую группу. Находящийся в тридцати милях к югу от Бостона, Форт-Девенс был близок к Нью-Йорку и к семье Сони: родителям, брату, бабушкам и дедушкам, тетям и дядям – так же как к их друзьям по средней школе. Эта близость была особенно важна для них, если они планировали завести семью.

Когда он официально доложил о своем прибытии в Форт-Девенс в начале января, Вогт быстро узнал о большой власти гражданских правительственных служащих, работающих в военной системе. Хотя Пентагон назначил его в 278-ю полковую боевую группу, его назначения не прошли проверку госпожи Гатри из Управления гражданских служащих Армии, руководившей отделом кадров. Она посмотрела на его назначения, отметила статус «Профиль 3» на его правой руке и глазе, сказала ему, что он не подходит для 278-й группы, и одним росчерком пера изменила его назначение. Вместо пехотной части она направила Вогта в часть обеспечения.

Вогт был удивлен ее властью, но сам оборот событий вовсе не огорчил его.

Его новое назначение называлось «старший помощник командира 1170-й части обслуживания», временной организации, занимающейся обучением английского языка иностранцев, завербовавшихся в американскую армию. Принятый Конгрессом так называемый Закон Лоджа позволил негражданам вербоваться в американскую армию. Честно отслужив четыре года, они получали право на американское гражданство. Задача 1170-й части состояла в том, чтобы предоставить этим рекрутам достаточный запас базовых знаний английского языка, чтобы те могли пройти курс молодого бойца. Гражданский штат преподавателей с профессиональными дипломами и опытом проводил обучение языку, длившееся шесть недель. В будни по утрам курсанты отправлялись в класс для четырехчасового интенсивного изучения английского. Во второй половине дня военный штат обучал их основным военным предметам, таким как Женевская конвенция и Военный кодекс. 1170-я часть не только занималась языковым обучением курсантов, но и была полностью ответственна за их снабжение, обеспечение и дисциплину.

Эти т.н. рекруты Закона Лоджа были главным образом из восточноевропейских стран, таких как Венгрия, Польша и Чехословакия, и сбежали оттуда незадолго до того, как Советы установили свою власть в этих государствах. Они были зрелыми людьми, и многие уже раньше служили в вооруженных силах своих стран.

Стимул стать американскими гражданами с помощью военной службы означал, что они стремились делать все правильно, и потому с этими людьми не было никаких дисциплинарных проблем, а казармы 1170-й части стали витриной для посещений высокого начальства. Можно было войти в любой момент и увидеть, что форма и солдатские сундучки точно соответствуют уставу. Осмотр казарм Вогт и первый сержант проводили каждый день, а утро субботы начиналось с построения солдат и их смотра. Лучший взвод недели был освобожден от субботнего смотра, и солдатам этого взвода, начиная с пятницы после полудня, разрешали покинуть казарму. Так как у многих курсантов были подруги в окрестности, конкуренция среди этих четырех взводов, чтобы выиграть этот «ранний уикенд» была жестокой. Вогту и его первому сержанту приходилось быть очень придирчивыми, чтобы найти хоть один недостаток, [например, не застегнутую пуговицу на рубашке], чтобы какой-то взвод занял второе место.

Курсанты изучали английский язык по утрам, но во вторую половину штат военнослужащих отвечал за преподавание им военных предметов на английском языке. Вогту не потребовалось много времени, чтобы обнаружить, что его лекции по таким предметам, как Женевские конвенции – весьма сухая тема для начала – обычно вызывали у солдат непонимающие взгляды. Проблема была в том, что знаний английского языка у курсантов не хватало для понимания сложных моментов в лекциях. Это была обескураживающая ситуация, и потому Вогт попробовал новую уловку; хотя он родился в США, но родители его были немцами, и семья Вогтов вернулась в Германию, когда он был еще совсем юным, потому он вырос недалеко от Кёльна. Когда он переключил свои лекции на немецкий язык, лица его курсантов просветлели, поскольку этот язык они все, казалось, отлично понимали. Постепенно использование своего знания немецкого языка побудило Вогта искать другие способы, как его двуязычное и двухкультурное происхождение могло бы послужить вооруженным силам.

Была середина мая, когда он получил телефонный звонок от женщины, которая представилась как госпожа Мэтлэк из Пентагона. Это очень привлекло его внимание, поскольку он не привык общаться непосредственно с кем-то из Вашингтона. Она спрашивала об одном из его курсантов, человеке по имени Кирилл, интересовалась, как у него дела, и были ли у Вогта какие-то проблемы с ним? Вогт был озадачен ее вопросами, но он знал человека, которого она упомянула, и сказал ей, что Кирилл, похоже, не вызывал никаких проблем, по крайней мере, тех, о которых он знал. Затем она доверила Вогту, что Кирилл Марков был одним из ее «подопечных», перебежчиком из Советской Армии. Она сказала, что этот их разговор должен быть конфиденциальным, а она, в свою очередь, будет время от времени звонить Вогту по этому вопросу. Она дала Вогту свой номер телефона в Пентагоне и попросила сообщать ей, если появятся какие-

либо признаки проблем с этим человеком. Вогт рассказал своему боссу лейтенанту Артуру Шэ, и первому сержанту Андерсону об этом телефонном звонке, и они согласились незаметно следить за бывшим советским солдатом, который был теперь военнослужащим американских вооруженных сил и кандидатом на гражданство США. Госпожа Мэтлэк звонила еще два раза, но у Вогта не было никаких дополнительных новостей. Во время одной из их бесед она пригласила его навестить ее, если он когда-то доберется до Вашингтона, и дала Вогту номер ее кабинета в Пентагоне. Вогт уверил ее, что придет к ней, если появится такая возможность.

Несколько месяцев спустя один его друг, летчик армейской авиации, упомянул, что ему по плану предстоит полет в Форт-Белвуар в северной Вирджинии и спросил, не хочет ли Вогт полететь с ним. Так как это была хорошая практика проверять свое личное дело в картотеке личного состава на регулярной основе, и он не делал этого с тех пор, как покинул госпиталь Уолтера Рида, Вогт согласился. И, конечно, помимо проверки своего личного дела, он хотел еще воспользоваться возможностью встретиться с госпожой Мэтлэк. Она вызывала очень большое его любопытство, и он был заинтригован узнать больше о ее таинственной работе, касающейся перебежчиков.

Как только он приехал в Пентагон, он проверил отчеты в своем личном деле и имел краткую беседу с офицером, занимающимся назначениями, майором в пехотном отделе управления кадров. Во время беседы Вогт спросил майора, каковы шансы его назначения в Германию. Майор был скептичен в этом отношении, сказав, что эти шансы близки к нулю. Тот факт, что Вогт говорил на немецком языке, вызвал только зевок. Вогт поблагодарил этого человека и затем отправился на поиски кабинета госпожи Мэтлэк в недрах Пентагона.

Когда он, наконец, определил ее местонахождение, она жестом руки показала, чтобы он присел, пока она закончит свою беседу с кем-то стоящим перед ее столом. Этот кто-то был подполковником, и Вогт мог слышать, как она говорила ему, что она была очень недовольна чем-то, что он сделал. Это была односторонняя беседа, и этот подполковник явно потел. Это говорило Вогту, что госпожа Мэтлэк была важным человеком. Она была привлекательной, высокой, стройной и седой, и Вогт оценил ее возраст приблизительно в пятьдесят лет.

Когда она отпустила подполковника, она подозвала Вогта, и он представился. Когда они немного поболтали о Кирилле Маркове, бывшем русском солдате, стало ясно, что ее работа состояла в стимулировании советских солдат перебежать к американцам. Хотя Вогт был очень заинтригован, у него не было допуска к таким делам, и ему нельзя было рассказывать много, потому разговор про-

длился лишь несколько минут. Было видно, что она занята, и Вогт вскоре встал, чтобы уйти. Когда он выходил из ее кабинета, он импульсивно остановился и повернулся к женщине.

- Вы не могли бы способствовать моему назначению в Германию, не так ли? – спросил он, наполовину в шутку.

- Почему вы хотите поехать в Германию?

- Потому что я говорю на немецком языке. Я вырос там.

Она посмотрела на него короткий момент, потом сказала:

- Подойдите сюда, я хочу поговорить с вами.

Он сел рядом с ее столом, когда женщина вынула блокнот и начала расспрашивать его. Она хотела знать все о немецком происхождении Вогта и подробно записывала его ответы. Это собеседование продлилось около получаса, и когда оно было закончено, она подняла взгляд от своих записей и улыбнулась.

- Мы с вами свяжемся.

Вогт был реалистом и не придал в то время слишком много внимания этой беседе. Он встал, поблагодарил женщину и покинул Пентагон, отправившись на поиски своего друга-летчика, чтобы полететь с ним назад в Форт-Девенс.

Прошло не так много времени после его посещения Пентагона, когда программа обучения английскому языку иностранных рекрутов подошла к своему концу, и последние из кандидатов прошли курсы. Подполковник Джордж Малишевский, офицер разведки G2 в Форт-Девенс, спросил Вогта, не хотел ли бы он стать его помощником. Вогт согласился.

Хотя он не знал Малишевского в Корее, полковник служил в седьмой дивизии приблизительно в то же самое время и в том же районе, что и Вогт. Командир пехотного батальона, он был ранен в апреле 1953 года вражеской гранатой, которая оторвала часть его ноги во время сражения на аванпосте Дэйл. Офицер Уэст-Пойнта, спортивный и твердый, он регулярно бегал трусцой, несмотря на тяжелое ранение ноги.

Работа Вогта как помощника G2, возможно, была рутинной, но она вовлекала его в обширный, запутанный мир разведки. Одна из его задач состояла в том, чтобы проводить проверки безопасности различных частей, подразделений и

штабных помещений, чтобы гарантировать, что они выполнили инструкции по защите секретных материалов. О некоторых проверках объявляли заранее, а другие проводились внезапно, и по своей природе такие проверки не делали. Вогта самым популярным человеком в гарнизоне. Если он обнаруживал незначительные нарушения, он делал так, чтобы их исправляли на месте, и никакие дальнейшие меры не предпринимались. Но если они были серьезными, например, секретные документы оставляли без надзора, то он требовал письменного отчета, и ответственный человек подвергался дисциплинарному наказанию. Он также рассматривал результаты исследований прошлого и связей людей и делал рекомендации относительно пригодности каждого конкретного человека для получения им допуска к секретным документам.

Было много других заданий, некоторая рутина, даже приземленная. Другие задания были особенными. Рутинная задача состояла в том, чтобы подготовить ежедневный прогноз погоды, который издавался в гарнизонном бюллетене. Вогт получал базовый прогноз, слушая радиопередачи ранним утром, а затем вычислял данные о ветре и температуре, что-то, что, казалось, для многих было загадкой.

Вогт уже год пробыл на этой должности, когда он получил письмо из Пентагона, где говорилось, что при условии соответствия засекреченным армейским инструкциям он имел право присоединиться к программе под названием полевая оперативная разведка (Field Operations Intelligence). Офис располагал копией этих инструкций, которые в общих чертах описывали эту программу, целью которой было использование агентурных источников для сбора информации тайными путями – т.е. шпионаж. Несомненно, собеседование с госпожой Мэтлэк послужило толчком к этому движению, и, вероятно, весь прошедший год был посвящен проверке Вогта, его прошлого и его связей.

Перспектива вхождения в этот тип разведывательной работы взволновала Вогта, и он чувствовал, что с его немецким происхождением и знанием языка он мог сделать кое-что хорошее. Кроме того, было бы понято его желание получить назначение в Европу. Вогт согласился, и в течение десяти дней получил приказы, назначающие его в Форт-Мид, Мэриленд, и разрешающие отгрузку его предметов домашнего хозяйства. Затем Вогт получил второй комплект засекреченных инструкций, согласно которым он должен был прибыть в Форт-Холабёрд для специализированной подготовки. Форт-Холабёрд, Центр и Школа военной разведки, был учебным центром и штабом легендарного Корпуса контрразведки (служба военной контрразведки сухопутных войск, Counterintelligence Corps, CIC). Так началась карьера Пола Вогта в разведке.

Глава третья

Январь 1957 года, Бад-Киссинген, Западная Германия

В 1957 году Холодная война переросла в открытую конфронтацию. Советский лидер Никита Хрущев угрожал «вышвырнуть» западные державы из Берлина, утверждая, что этот город использовался ими в качестве центра шпионажа против Советов и их союзников. Происходили пограничные инциденты, которые могли в любой момент разжечь войну между сверхдержавами. Американцы в Западной Германии противостояли советской угрозе, перемещая свои 280-миллиметровые атомные орудия через города и деревни около границ, их уши и глаза были приведены в состояние наибольшей готовности.

Организация, которую в январе возглавил лейтенант Пол Вогт в качестве своего первого «полевого» назначения, состояла из двух ранее отдельных подразделений, первым из которых были остатки полевого офиса в Вюрцбурге на реке Майн.

Этот офис был расформирован после огромного провала, известного внутри системы как Вюрцбургский инцидент, когда досье, содержавшие информацию о предполагаемых и активных источниках, были украдены из конспиративной квартиры в Вюрцбурге. Это помещение использовалось для рутинных встреч с агентами для их обучения, расспросов, инструктажа и получения информации. Один из этих агентов, как оказалось, был двойным агентом, работавшим под контролем восточногерманского министерства госбезопасности, больше известного как Штази.

Досье хранились в портативном полевом сейфе, прикованном цепью к радиатору. Взлом и похищение произошли ночью, пока дежурный сержант крепко спал в смежной комнате. Следующим утром он увидел, что цепь перерезана, а сейф бесследно пропал. Источники, настоящие данные личностей которых хранились в сейфе, оказались под угрозой. Была большая вероятность того, что они будут арестованы, и любые связанные с ними люди тоже подвергались риску. Необходимо было провести большую «чистку», как с оперативной точки зрения, так и внутри организации.

(Эта история известна также как Aktion Schlag («операция «Удар»). Двойного агента, внедрившегося в филиал американской военной разведки, звали Хорст Хессе (1922-2006). Украдены в мае 1956 года были даже не один, а два сейфа, содержавшие всю картотеку американской военной разведки в Германии, что привело к разоблачению 521 агента военной разведки в Германии и аресту 140

человек в ГДР. Эта история послужила основой для популярного в начале 1960-х годов восточногерманского шпионского художественного фильма «For Eyes Only – совершенно секретно» (студия ДЕФА, 1963, автором сценария был популярный в ГДР писатель Гарри Тюрк). – прим. перев.)

Сержант получил выговор и был уволен из организации, тогда как ответственный офицер, пехотный капитан, практически отделался лишь легким испугом. Он очень нравился большим шишкам, поэтому он продолжил службу на другой должности – его карьера не пострадала. Офис в Вюрцбурге закрылся. Некоторые из его сотрудников получили другие назначения, других в рутинном порядке отправили домой.

Ирония была в том, что агент, который украл сейф и перевез его в своем частном автомобиле через границу в Восточную Германию, из-за праздника в течение суток не мог связаться со своим «куратором» из Штази. Это позволило персоналу Вюрцбурга разослать сообщения некоторым из своих агентов, предупредив их, чтобы они могли убежать. Семерым это действительно удалось.

Один из унаследованных Вогтом агентов из Вюрцбурга был вовлечен в операцию по «чистке». Джек Маклин, маленький, темноволосый человек с пронизательными глазами, высаживался с парашютом в Нормандии в составе 82-й воздушно-десантной дивизии и пережил жестокие сражения Второй мировой войны. Но когда Вогт в первый раз встретился с ним, он заметил, что руки Маклина дрожали. Вогт боялся, что тот потерял самообладание, возможно, встречаясь с скомпрометированными агентами в Берлине, и что он уже по горло был сыт своей работой «в поле».

Первая реакция Вогта состояла в том, чтобы перевести Маклина на другую работу, потому что Вогт чувствовал, что он должен был быть в состоянии положить на каждого из них, чтобы выполнять предписанную работу, и не мог позволить себе иметь среди подчиненных кого-то, кому не мог бы полностью доверять. Но затем он осознал объем административных задач, за которые они были ответственны, и потому передал в руки Маклину ответственность администратора, с чем тот великолепно справлялся.

Большая часть команды Вогта включала команду сбора секретной информации, базировавшуюся неподалеку от живописного города Бад-Киссинген в Нижней Франконии, всего в нескольких километрах от границы между ФРГ и ГДР. Эту команду подчинили Вогту, когда ее предыдущий начальник, капитан войск спецназначения по имени Кресс Пруст должен был в порядке ротации вернуться в США.

Вогт быстро привык к постоянному грохоту артиллерийского огня. Было трудно когда-либо сказать наверняка, доносился ли этот шум с соседнего американского полигона в Вильдфлеккене, или же уже началась война. Атмосфера была очень напряженной, и нервы у всех были максимально возбуждены.

Работа команды Вогта состояла в том, чтобы выяснять, что происходило в оккупированной Советами Восточной Германии, ища определенные признаки надвигающегося военного конфликта. Вывели ли русские свои части из гарнизонов? Эвакуировали ли они членов семей военных? Проводят ли они учения на полигоне или крупномасштабные маневры? Их работой было в любой момент знать, где находятся советские части, особенно элитные гвардейские дивизии. Это называлось «Существенные элементы информации», или ЕЕІ, и именно такие сведения они должны были собирать.

Конечно, команда Вогта была только одним маленьким винтиком в большом механизме всей работы разведки. Подразделения, отвечающие за сбор информации из открытых источников, были заняты опросом беженцев и перебежчиков с Востока; Военная миссия связи в Берлине ездила через Восточную Германию, по самому краю территорий, которые Советы считали запрещенными, и иногда проникая в них – и когда это происходило, бронекавалерийские полки вдоль границы приводились в состояние повышенной боевой готовности. Военная лихорадка насыщала атмосферу. Семьи членов команды проходили регулярные инструктажи и практические тренировки процедуры эвакуации в чрезвычайной ситуации с заранее определенными маршрутами эвакуации и безопасными местами назначения. Каждая семья была обязана хранить нескорпортующиеся «неприкосновенные запасы», а бензобаки частных машин никогда не должны были быть заполнены меньше, чем наполовину.

Дик Марлоу, выпускник колледжа, получивший офицерское звание после прохождения курсов подготовки офицеров резерва, был единственным другим офицером в команде Вогта. Все прочие были сержантами, зарегистрированными, в целях прикрытия, как гражданские служащие армии. Марлоу безупречно говорил на немецком языке и изучал русский язык в языковой школе армии в Германии. Его можно было принять за профессора, очень умного и с хорошим чувством юмора, и он управлял сложной трансграничной операцией около города Кобурга. У него было два агента: Ганс проживал в Западной Германии поблизости от границы с Восточной Германией; Карл жил на ферме сразу через границу на Востоке. Они были друзьями в течение многих лет, и Карл навещал Ганса иногда по ночам, даже при том, что это нарушало восточногерманские законы и постановления. В то время демаркационные линии на границе на самом деле еще были довольно свободными, и пересечь границу было нетрудно.

Дик узнал о дружбе двух мужчин, и с успехом завербовал их для проведения курьерских операций с пересечением границы.

Вогту, переведенному в разведку из пехоты, сначала было трудно приспособиться к своей новой роли и резко отличающейся военной культуре. Агенты носили штатскую одежду и старались больше походить на немцев по рождению, чем на легко узнаваемых американских солдат. Они обращались друг к другу просто со словом «господин», независимо от чина, не отдавали честь, и для внешнего мира, казалось, были гражданскими лицами. Когда он возглавил команду, ему, естественно, было любопытно узнать, что делали другие члены команды. Когда он начал критиковать их, Марлоу отвел его в сторону.

- Шеф, – сказал он с улыбкой, – вы не руководите операциями кого-либо другого. Здесь каждый из нас отвечает за свои собственные действия.

Вогту тяжело было это проглотить, так как он, как предполагалось, должен был быть в цепочке утверждения их отчетов. Фактом, конечно, было то, что он был наименее опытным членом команды. У других членов его команды, таких людей как Отто Шульц и Рой Грининг, были годы опыта в разведке, не только в сфере сбора информации, но также и в контрразведке и ведении допросов. Важными преимуществами Вогта было его прекрасное знание немецкого языка и немецкой культуры, плюс желание преуспеть. Поэтому он отошел от контролирующей роли, пытался учиться у других и стремился начать работать самостоятельно. Взятие на себя руководства Эрвином Цэске казалось ему хорошим способом поднатреть в ремесле управления агентами.

В январе 1957 года Эрвин был агентом уже больше двух лет. Он был хорошо знаком другим членам команды, у большинства из которых в какой-то момент были с ним деловые отношения. Пруст, человек, которого сменил Вогт, был «куратором» Цэске, и, хотя Вогт был руководителем команды, он, как и Пруст, должен был быть работающим агентом, что прекрасно его устраивало, поскольку он с жадностью стремился начать использовать на практике те навыки, которые он приобрел в Форт-Холабёрд.

Переход от Пруста к Вогту не представлял заметных проблем. Пруст представил их друг другу, и Вогт скоро установил тот вид связи, который был ему нужен. Определенное взаимоуважение, которое они чувствовали друг к другу, происходило из их ранений на войне – потерянной руки Цэске и поврежденного глаза Вогта.

Эрвин Цэске был основным агентом операции по сбору мусора. Так он завербовал подчиненных ему субагентов, чтобы собирать выброшенные использованные бумаги с советских свалок и вокруг полигонов в Восточной Германии. Эрвин проинструктировал своих агентов определенно искать конверты, на которых были номера полевой почты, или FPN, как они назывались. Они должны были искать написанные от руки записки и страницы из уставов и инструкций, личные письма и т.д., что-либо, написанное или напечатанное не на немецком языке, кроме газет. Личные письма могли дать сведения о моральном духе войск и идентифицировать части. Так как каждая советская часть долго обладала одним и тем же номером полевой почты, то исходя из того, где была найдена бумага, ее номер полевой почты идентифицировал часть и показывал ее местоположение. Советская Армия не выдавала своим солдатам туалетную бумагу, и поэтому, когда они были в поле на учениях, солдаты часто вырывали страничку из устава или какой-нибудь инструкции, чтобы выполнить основные санитарные функции. И одна такая использованная в этой гигиенической цели бумажка, найденная в районе полигона, описывала использование нового противогАЗа.

Такой поиск на свалках, как и перевозка материала в Западный Берлин были рискованным делом. Агенты несли бумаги у себя под одеждой и использовали метро, чтобы приехать в Западный Берлин, где Цэске встречал их, забирал материал, и платил им двадцать западногерманских марок за каждую пачку, которую они принесли. Затем Цэске передавал материал Вогту с отчетом о том, где, когда и кем материал был собран, используя кодовые номера источников вместо настоящих имен. Цэске путешествовал в Берлин и из Берлина на самолете через Франкфурт и аэропорт Темпельхоф в Западном Берлине.

Как только команда получала материал, она упаковывала его в запечатанные двумя печатями «манильские» конверты, добавляла сопроводительный документ, сообщающий о том, где и когда было найдено содержимое, и через зарегистрированную военную почту отправляло его в отдел сбора информации G2 в Гейдельберге. Они почти всегда получали хорошие оценки, так как аналитики не могли оспаривать написанные слова, хотя Вогту было очень неприятно представлять себе, как эти аналитики отделяют листок за листком и изучают их, бумагу, использовавшуюся в качестве туалетной.

Операция по сбору мусора проходила вполне гладко при Прусте, и Вогт не хотел здесь что-либо менять, но были некоторые вещи, которые беспокоили его с самого начала. Эрвин Цэске сам себя называл «Gauner» [жулик] и несколько лет назад попал в тюрьму в Берлине за рэкет и мошенничество. Хотя Вогт и по-

нимал, что люди, вовлеченные в шпионский бизнес, редко бывают личностями с чистым характером, но Цэске он не доверял.

Когда он взял в свои руки контроль над операцией, его первая задача состояла в том, чтобы познакомиться с источниками Цэске. Действительно ли они существовали в том количестве, о котором он говорил? Действительно ли он платил им столько, сколько они, как предполагалось, получали? Откуда они знали, что Цэске не брал одну пачку документов и не делил ее на несколько? Вогт стал сопровождать Цэске в некоторых из его поездок в Берлин и во время запланированных встреч с субагентами. Цэске не нравилось его вмешательство, но он был вынужден его принять. Когда Вогт встречался с источниками, он узнавал детали их личных историй. В прошлом все, что было известно о них, были лишь имена и названия улиц. Вогт хотел больше информации, чем только это, чтобы можно было создать досье индивидуальных источников и проверять их прошлое, если возможно. Собирающие мусор агенты, первоначально четверо или пятеро из них, скоро поняли, что они тоже должны будут играть честно, и что Эрвин больше не был их исключительным боссом.

Это продолжалось в течение почти двух лет. У Вогта, конечно, был еще один мотив для того, чтобы узнать этих людей лучше – он хотел оценить их способность делать нечто большее, чем только собирать мусор. Возможно, их можно было научить следить за советскими объектами и докладывать о происходящем там. Или, возможно, они были знакомы с кем-то, кого команда могла бы завербовать, и у кого был доступ на территории советских гарнизонов или полигонов. Когда Вогт проверял людей Эрвина в отношении такого потенциала, он не хотел, чтобы Эрвин продолжал действовать в функции их основного агента. Вогт чувствовал, что он должен был установить прямое управление и, в конечном счете, вывести Цэске из этой игры. Но эти планы не должны были осуществляться быстро, и тем временем операция по сбору мусора продолжалась как обычно в течение нескольких месяцев.

Затем произошли события, которые привели к изменениям. Во-первых, Советы осознали свою уязвимость от операции по сбору мусора. Они поставили вооруженных часовых у своих свалок и расклеили предупреждающие плакаты с карикатурой, на которой капиталистический шпион вытаскивал письмо из мусорной свалки. Одновременно восточногерманская пограничная полиция усилила свой контроль поездок в Западный Берлин, часто обыскивала людей на пограничных переходных пунктах, включая пассажиров метро. В результате источник информации, основывающийся на сборе мусора, иссяк. Соответственно штаб оказывал давление на Вогта, чтобы команда поставила себе более высокие це-

ли и сосредоточилась на разработке источников, которые могли бы давать точную информацию о силах противника и угрозах, которые они представляют.

Как раз вскоре после этого изменения основного направления работы Цэске в пьяном гневном взорвался у Вогта – и у Вогта не было никакого выбора, кроме как уволить Цэске.

Глава четвертая

Март 1959 года, Бад-Киссинген, Западная Германия

Прошло несколько недель с того времени, когда Вогт без долгих рассуждений уволил Эрвина Цэске, и теперь он начал задаваться вопросом, не сделал ли он ошибку. Хотя никто не подверг сомнению его решение, оно, конечно, заставило кое-кого удивиться. Отто Шульц даже спросил, что стояло за вспышкой гнева у Цэске – и это был вопрос, который, как знал Вогт, он тоже должен был расследовать. Но, вероятно, существовали возможности, которые, все же, можно было бы реализовать с Цэске.

Он спрашивал мнение членов своей команды и придумал план, который позволил бы продолжать использовать таланты Цэске, но радикально изменил бы его статус с основного агента на агента-наводчика, находящего и оценивающего потенциальные источники для их последующей вербовки. У Цэске был большой опыт и большой талант убеждать людей. Харизматичный и с большой интуицией, Цэске знал, что могло воздействовать на людей с Востока, и умел эксплуатировать их слабости. Возвращение его на борт, но в более узкой и ограниченной роли, казалось соответствующим риску. Вогт решил вернуть Цэске в команду, чтобы искать кандидатов, у которых был доступ к определенным местам и информации. Он должен был обеспечивать основные данные для идентификации этих людей и, если бы все выглядело положительным, организовывать встречу с предполагаемым источником. После этого его в целях безопасности выводили бы из операции. Ему не следовало знать, был ли возможный агент завербован на самом деле, и какую роль он (или она) будет исполнять для команды.

Вогт встретился с Цэске, чтобы послушать его реакцию на это предложение. Эрвин Цэске проживал в Нидерверне в сером доме на две семьи. Цэске, его жена и сын жили на первом этаже, другая семья жила этажом выше. Сын, Лутц, был в школе, и Эрвин отослал свою жену, когда он увидел, как Вогт подъезжает к дверям его дома. Хельга привыкла к визитам господина Хуго, и посмотрела на

него с подозрением, уходя из дома. Цэске бездельничал с тех пор, как Вогт видел его в последний раз, и это отразилось на его физическом облике. Он выглядел изможденным, нервным и унылым, вероятно потому, что ему не хватало денег. Как только Вогт объяснил, что он имел в виду, Цэске нетерпеливо ответил, что он мог бы делать такую работу. Предварительным условием к принятию этой новой роли была новая проверка его биографических данных и связей и проверка на детекторе лжи. Цэске, казалось, был немного удивлен этим, но согласился с достаточной готовностью.

Вогт заполнил очень подробный отчет о биографии Цэске. У команды было соответствующее досье на Цэске, но Вогт хотел также получить информацию о его жене и родственниках, многие из которых жили в Берлине. Цэске легко предоставил эту информацию. Встреча с оператором полиграфа, которого команда называла «Док», была назначена на объекте во Франкфурте. В день экспертизы Вогт привез Цэске во Франкфурт и провел его в кабинет, где проводилась проверка. «Док» в своем белом халате был очень похож на настоящего доктора. В кабинете лежали шприцы и пузырьки, что еще больше способствовало внешнему виду кабинета врача. Вогт наблюдал процедуру через двухстороннее зеркало, заранее договорившись с оператором полиграфа о вопросах, которые нужно было задать. Ключевой вопрос был таким: Имеет или имел ли когда-либо Эрвин заведомо контакт с какой-либо враждебной разведывательной службой, такой как восточногерманская Штази?

Он ответил «нет» на все важные вопросы, и в конце экспертизы, когда Эрвин Цэске ждал в другой комнате, «Док» высказал свое мнение.

- Этот человек чист, – сказал он. – Не было никакой попытки обмана.

Зная это, Вогт был готов вернуть Цэске к работе.

Глава пятая

Уже после пары поездок в Берлин Цэске смог предоставить имена нескольких предполагаемых источников и устроить отдельные встречи с ними для Вогта, который отклонил всех, кроме двух: одним из этих двоих был Юрген Кройцфельдт, житель Вюнсдорфа, который примыкал к важнейшему советскому полигону и военной базе. Хотя у Юргена не было никакого прямого доступа на базу, предполагалось, что он мог бы разыскать других, у кого такой доступ был. До этого времени он мог бы следить за советскими действиями и передавать эту информацию команде посредством системы связи, называемой «мертвыми поч-

товыми ящиками» – т.е. тайниками, которые обслуживают курьеры. У Юргена был хороший потенциал, чтобы стать агентом, после того, как его проверят и обучат.

Второй предполагаемый источник казался идеальным для предполагавшейся миссии. Вилли Херцог был мастером на советском авторемонтном предприятии, которое обслуживало и ремонтировало не только грузовики, но и бронетранспортеры и танки. У него было то, что называли прикрытием для статуса и деятельности; статус из-за его должности, и деятельность, потому что его работа разрешала ему смотреть на документы, которые сопровождали машины, обеспечивая идентификацию части, ее местоположение, отчет о ремонте и проблемах в течение времени. Американские военные технические аналитики хотели знать о недостатках советской техники, и эти знания, очевидно, могли бы быть полезными американцам, если бы Холодная война переросла в горячую.

Вилли Херцог был человеком приблизительно сорока лет, худым и среднего роста. Его волосы были светлыми, и у него уже начиналось облысение. Его глаза были поразительно синими, и у него была легкая, искренняя улыбка. Он был женат на женщине по имени Ханнелоре, и у них были девочки-близнецы, Лена и Петра, шести лет.

Унтер-офицер в германских Люфтваффе, он служил на Восточном фронте, летая на ME109. Однажды его самолет получил сильные повреждения от огня с земли и летел слишком низко, чтобы можно было спрыгнуть с парашютом, поэтому он был вынужден совершить аварийную посадку, едва дотянув до немецкой территории. Он остался в живых после этой катастрофы, но получил тяжелую травму головы, из-за чего часть его черепа заменили пластинкой. В результате он страдал от хронических и выводящих из строя головных болей, которые требовали постоянного лечения. Его последующая госпитализация и выздоровление продолжались до конца войны. Когда Советская армия вошла в восточную часть Германии, он был взят в плен. Здоровых военнопленных отправляли в Советский Союз, где они занимались рабским трудом, переносили лишения, голод и часто умирали. Больные и раненые пленные не были пригодны для таких работ. Их быстро освободили, чтобы они не были бременем для Советов.

После выхода из больницы Вилли вернулся в свой дом в Айхвальде, пригороде Берлина, и попытался начать жизнь с начала. Так как он в молодости учился на автомеханика, он смог найти работу в советской мастерской по ремонту транспортных средств. В конечном счете, он вырос до контролирующей должности. За работу ему платили достаточно хорошо, чтобы покрыть его расходы, которые

не были велики, и поэтому он надеялся однажды переехать из своей съемной квартиры в поврежденном войной доме во что-нибудь лучше.

Затем Вилли встретился с Ханнелоре и влюбился в нее. Она выросла в том же самом районе, что и он, но они прежде не знали друг друга. Когда она приняла его предложение руки и сердца, он смог найти им соответствующую квартиру. В 1952 году Ханнелоре родила двух девочек-близнецов. Вилли сам тоже был близнецом, и его брат Хайнц жил со своей женой Эльфриде в небольшой квартире в американском секторе Западного Берлина. Вилли и Ханнелоре посещали их примерно раз в месяц, но поскольку близнецы росли, для Ханнелоре стало труднее сопровождать Вилли в его визитах, поэтому большую часть времени Вилли ездил к брату один.

Хайнц был трезвенником, но Вилли время от времени выпивал бокал пива. К сожалению, пиво, доступное ему в Восточной Германии, было низкого качества, тогда как в Западном Берлине было множество сортов превосходного пива. Иногда, после посещения своего брата и невестки, Вилли останавливался в пабе на углу, чтобы выпить бокал своего любимого пива, «Берлинер Киндль». Это был один из тех пабов, которые немцы называют «Кнеіре», слабо освещенное, задымленное табачным дымом помещение, заполненное местными жителями, преимущественно мужчинами, большинство из которых хорошо знали друг друга, они громко разговаривали и время от времени пели. Там часто можно было встретить кого-то, торгующего на черном рынке товарами с Востока. Вилли обычно не задерживался там, проводя как раз достаточно времени, чтобы неторопливо выпить один бокал пива перед возвращением. Он, скорее всего, наслаждался каждой секундой, но он должен был следить за своими деньгами – обменный курс восточной марки к западной был четыре к одному. Даже при том, что пиво было дешево для людей с западногерманскими марками, оно было дорогим для человека, платящего восточногерманской валютой.

Во время одного из его посещений паба, когда он уже заплатил и собирался уходить, один хорошо одетый человек, сидящий за соседним столом, установил с Вилли зрительный контакт. Он встал и представился как Штайнбринг. Вилли тоже представился и заметил пустой правый рукав пиджака, засунутый в карман пиджака Штайнбринга.

- Россия?

Штайнбринг кивнул в ответ.

- Я тоже, – сказал Вилли, указывая на свой череп.

Такие наблюдения и беседы были весьма обычны в послевоенный период, так как искалеченных ветеранов было очень много.

Штайнбринг предложил купить Вилли пиво.

- Я заметил, что вы платили восточными марками. Откуда вы?

- Айхвальде.

- Я знаю Айхвальде. Я все время жил в Берлине, но теперь живу в Западной Германии.

Так они перешли к непринужденной беседе, посмеиваясь над недавно избранным бургомистром Западного Берлина Вилли Брандтом и его сексуальной ориентацией. Вилли спросил Штайнбринга, что тот делал в Берлине.

- Посещал родственников.

- А что вы делаете в Западной Германии?

- Я что-то вроде консультанта и советника американцев.

Вилли взглянул на него насмешливо. Штайнбринг слегка улыбнулся и подмигнул ему, но не уточнял.

- А вы что делаете? – спросил Штайнбринг.

- Я работаю на Ивана (так немцы называли советских), в их авторемонтной мастерской.

Поведение Штайнбринга изменилось. Внезапно став серьезным, он озирался, чтобы увидеть, не смотрел ли кто-либо на них или мог подслушать их беседу.

- Я знаю одного американца, который мог бы захотеть поговорить с вами. Вам это интересно?

Вилли тщательно обдумывал свой ответ.

- Возможно. Как это могло бы произойти?

- Мы должны встретиться снова, но не здесь. Я знаю одно место поблизости, оно более тихое. Я могу увидеть вас снова через три недели?

Вилли согласился, и они установили время и дату встречи. Они вышли наружу и прошли один квартал к ресторану. Штайнбринг спросил Вилли, не хотел бы тот поесть, но Вилли отказался, сказав, что ему пора уже ехать домой. Они попрощались и пообещали друг другу встретиться через три недели в этом ресторане.

Всю дорогу домой, Вилли размышлял о своей встрече с Штайнбрингом и своем согласии встретиться с каким-то неизвестным американцем, который явно хотел информацию от него. Его работа в советской мастерской по ремонту транспортных средств, как казалось, была очень далека от доступа к любой реальной информации, которая могла бы представлять интерес для американцев. Его главными начальниками были русские, но это были люди вовсе не в высоких званиях, да и с ними его контакты были строго ограничены работой, так что же тут могло бы быть настолько интересным? Требующие ремонта машины отправляли в его мастерскую по железной дороге с определенным сопроводительным документом, где подробно описывались проблемы. Вилли и его сотрудники проверяли машины, чтобы определить необходимый ремонт, который они выполняли, а затем проверяли результаты, на этом этапе к работе подключались советские начальники. Если результаты были удовлетворительными, машины отправляли назад по железной дороге в ту же часть, откуда они прибыли.

Что могло быть в этом таким интересным, задавался вопросом Вилли? Машины входят с одного конца и выходят с другого; вряд ли здесь открываются какие-то секреты. С другой стороны, Вилли знал, что даже просто беседа о его работе с неким американцем была потенциально опасной. Но еще с того времени, когда он учился на боевого летчика, он привык рисковать. Что он мог надеяться получить? Возможно, это позволило бы ему перевезти свою семью на Запад?

Конечно, переезд на Запад был доступен им в любое время, и он и Ханнелоре часто обсуждали это. Брат Вилли Хайнц даже предложил свою небольшую квартиру как временное убежище. Но Вилли думал, что было бы ошибкой просто подняться и сделать то, что делали столь многие другие на Востоке, убегая из своих домов на Запад в поисках лучшей жизни. Вилли не хотел быть частью этого потока беженцев. Он тоже, как и они, хотел лучшей жизни для себя и своей семьи, но он хотел добиться этого на своих собственных условиях.

Ему нужно было подумать о своих девочках, и о том факте, что в сравнении с другими восточными немцами у него была вполне приличная работа.

Кроме того, он очень мало знал об американцах. Его брат жил в американском секторе Берлина, и когда Вилли навещал его, он иногда видел американских солдат на улицах. Они, казалось, были дружелюбными, общались с местным

населением, особенно с молодыми женщинами. Это сильно отличалось от русских в том районе, где он жил. Жители Западного Берлина вообще были проамерикански настроенными. Десятью годами ранее американские самолеты привозили еду, топливо и лекарства в город после того, как Советы заблокировали все сухопутные пути. Во время блокады 1948 -1949 года американский так называемый воздушный мост, или Luftbrücke, спас двухмиллионное население Западного Берлина от голода.

Живя на Востоке, Вилли не мог воспользоваться этой помощью, но он и большинство восточных немцев знали о ней. Однако была одна область, где его контакт с американской культурой был интенсивным, и этой областью была музыка. Он был горячим поклонником джаза, и вечерами, когда он возвращался домой с работы, он настраивал свой радиоприемник на радиостанцию американских вооруженных сил, которая передавала джаз. Постепенно он познакомился с такими великими людьми как Гленн Миллер и Дюк Эллингтон. И однажды, когда он узнал, что Дюк Эллингтон и его оркестр будут выступать в Западном Берлине в Спортивном дворце («Sportpalast»), и что входная плата для любого посетителя с Востока будет высчитываться в соотношении восточной и западной марки один к одному, а не в обычном соотношении четыре к одному, он и Ханнелоре решили посетить концерт. В день события они купили билеты и вошли в огромную внутреннюю арену, которая быстро стала переполненной.

Аудитория состояла главным образом из молодых людей, и Вилли, судящий по беседам вокруг него, подумал, что, по крайней мере, половина из них приехала с Востока. Концерт должен был начаться в шесть часов вечером, но объявили, что Эллингтон и его группа опаздывают. Вылет их самолета из Гамбурга был отложен. Последовали бормотание и шорох, так как люди задавались вопросом, что должно было произойти. Наконец кто-то объявил, что группа прибыла и вскоре появится. Их встретили овациями, как только они оказались на сцене. Когда один из музыкантов споткнулся, очевидно, из-за травмированной ноги, послышался коллективный стон, выражающий беспокойство. Затем Эллингтон открыл программу с «Diminuendo and Crescendo in Blue», и вся аудитория пришла в восторг. В течение нескольких часов Эллингтон и его бэнд привели всех в зале: стариков, молодых, восточных немцев, и американских солдат в равной степени – в состояние чистой музыкальной радости. Аудитория была в восхищении, и когда саксофонист Пол Гонсальвес играл длинное соло, которое закончило выступление, музыкантов окружила гигантская толпа. Огромный энтузиазм и сопереживание, которое чувствуют тысячи людей на арене, сохранилось после выступления, американский джаз объединил их всех.

Во время поездки на автобусе домой после своей странной встречи с одноруким Штайнбригом, Вилли размышлял о том, что, если он и не знал американцев лично, но он знал американскую музыку, и, следовательно, американскую культуру. Он надеялся, что когда-нибудь сможет свободно общаться с американцами и своими согражданами на Западе. Такими были его мысли, когда он пытался проанализировать, почему он согласился встретиться с американцем, несомненно, с кем-то из разведки, кем-то, кто вполне мог поставить Вилли и его семью под опасность ареста и тюрьмы. Он хотел обсудить это со своей женой, но его внутреннее чувство говорило ему, что на этот риск стоило бы пойти.

Первая встреча Вогта с Вилли Херцогом состоялась первого апреля в том самом ресторане, который выбрал Цэске, он же Штайнбриг, и Цэске представил его Вилли как господина Хуго. Вогта на этой первой встрече сопровождал человек по имени Дон Уилкинсон, относительно новый член команды Вогта. Уилкинсон был бывшим морским пехотинцем, который сражался на Тихом океане и оставил Корпус морской пехоты, чтобы присоединиться к программе SIC (военной контрразведки) армии. Он уже организовал отдельную комнату наверху, где должна была состояться встреча, и после небольшой болтовни и шуток в начале разговора, Цэске извинился и уехал. Вогт попросил Вилли проследовать за ним, и эти два мужчины пошли наверх, где Вогт представил его Уилкинсону – хотя он представил его как господина Штурма, таким было его кодовое имя. Вогт и Уилкинсон старались выработать хорошее взаимопонимание прежде, чем попытаться развить намеченные отношения. Коммуникабельный, дружелюбный характер Вилли означал, что Вогту и Уилкинсону трудно было не почувствовать определенную симпатию к этому человеку, когда они получили основную биографическую информацию о нем в соответствии со строго предписанным протоколом. Вогт, среди прочего, расспрашивал Вилли о его рутинной жизни дома и о соображениях безопасности. Они также обсуждали прошлое и связи его семьи.

В ходе беседы Вилли стал более расслабленным и открытым в своих ответах, и в этот момент Вогт взял на себя инициативу, тогда как Уилкинсон освободился, чтобы гарантировать безопасность на тот случай, если бы кто-то прервал встречу или попытался подслушивать. Вогт не хотел раскрывать слишком много о том, что они хотели от Вилли, пока не была закончена проверка его биографии и прошлого. Так как у Вилли был относительно легкий доступ в Западный Берлин под предлогом посещения его брата, было просто договориться с ним о второй встрече две недели спустя, и этот интервал дал бы им достаточно времени, чтобы проверить его прошлое и связи.

Конечно, настоящая полная проверка фактов биографии и связей была бы невозможна, но они проверяли все досье настолько, насколько эти досье были им

доступны. Они смогли проверить военную службу Вилли и подтвердить тот факт, что он был призван в военно-воздушные силы из Айхвальде, где он жил ранее. Документы также подтвердили его пребывание в госпитале и лечение после ранений. Вилли казался надежным перспективным источником.

Глава шестая

Прошло пять дней после его первой встречи с Вилли. Вогт остановился перед домом Цэске в Нидерверне и сидел, на мгновение собираясь с мыслями. Это было разочаровывающее утро. Цэске появился в парадной двери и где-то с минуту рассматривал Вогта перед тем, как вернуться внутрь, оставив приоткрытую дверь. Когда Вогт вошел в дом, Цэске обратился к нему из кухни.

- Это не похоже на вас, что вы опоздали, – сказал он. – За все время, что мы сотрудничали, вы всегда были пунктуальны.

- Прошу прощения, – сказал Вогт.

Прежде, чем он мог сказать больше, Цэске вошел в гостиную с бутылкой «Реми Мартен» в его левой руке. На горлышко бутылки он повесил два пустых стаканчика вверх дном. Наполовину выкуренная сигарета свисала с его губ.

- И потом я слышу, как вы подъезжаете, и нахожу вас сидящим в вашем автомобиле.

- Ко мне поступил срочный звонок. Я должен был принять его.

- Это был Вилли или Юрген? – спросил он. Стаканы зазвенели, когда он поставил бутылку на стол гостиной.

Вогт взглянул на Цэске твердым пристальным взглядом.

- Что вы знаете об этом?

Цэске засмеялся и затянулся своей сигаретой.

- Что я мог бы знать? Вы же ничего мне не говорите, помните. Садитесь и пейте. Это была просто догадка. Они новички, если, конечно, вы уже завербовали их. Это заставляет предположить, что как раз они могли причинить вам головную боль.

- Достаточно разумно, – сказал Вогт и сел.

Цэске выглядел самодовольным. – Чувствую, что это был Вилли.

- Не так, чтобы это было важно, – сказал Вогт, – но нет, это был Юрген. Он бросил нас.

- Что?

Вогту показалось, что Цэске немного побледнел, услышав эту новость, но тут Цэске усмехнулся и покачал головой, затем снял стаканы с бутылки и наполнил их.

- Как, черт возьми, это произошло? Его же точно еще не выследили.

- Нет, – сказал Вогт, потянувшись рукой к стакану. – Он утверждает, что ему представилась хорошая возможность, слишком хорошая, чтобы отказаться от нее, и что это не имело никакого отношения к нам.

- Вероятная история, – сказал Цэске. – Ну ладно, пусть нам с другим повезет лучше.

Цэске поднял свой стакан.

- Да, – сказал Вогт. – За это я выпью.

Вторая встреча с Вилли была короткой. Вогт сказал ему, что они хотят привезти его в Западную Германию на несколько дней. Это было необходимо для того, чтобы они смогли полностью оценить его способности и обучить его так, чтобы он мог делать свою работу, не подвергаясь риску. Это, конечно, также позволило бы им продолжить процесс проверки.

«Курируете» ли вы нового агента или работаете с уже давно установленным источником, непрерывная проверка важна всегда. Любую информацию от агента следует непрерывно оценивать в плане ее правдивости и точности. Один из приемов проверки состоял в том, что агент должен был сообщить о чем-то – каком-то объекте или событии – и предоставить информацию, которая уже была известна и проверена. Человек, который приукрашивает или фабрикует информацию, представляет собой постоянную угрозу. По этой причине все, что источник сказал, и любая частица данных, которые он предоставил, регистрировались и проверялись опытными агентами на нескольких уровнях. Если что-то казалось несовпадающим, то это должно было быть исследовано и проверено. Ни-

что не воспринималось как само собой разумеющееся. Слишком многое было склонно к изменениям.

- Это не займет больше трех или четырех дней, – сказал Вогт. – Но это важно. Мы могли бы помочь вам придумать какой-то предлог, если нужно.

- На такой срок я могу уехать. Это не проблема, – сказал он. – Скажите, а я могу взять с собой Ханнелоре?

Этот вопрос застал Вогта врасплох.

- Ханнелоре знает о ваших контактах с нами?

- Да, знает. Я рассказал ей все после нашей первой встречи. Она моя жена, и поверьте мне, когда я скажу вам, что даже самый опытный шпион не смог бы долго скрывать секреты от нее.

Вогт подумал о Соне и улыбнулся. «Женатые мужчины», подумал он.

- Она заподозрила бы что-то, если бы я ей не сказал, – добавил Вилли. – Потому она знает, и поклялась хранить тайну.

- И что думает Ханнелоре об этом? – спросил Вогт. – Она знает о связанных с этим опасностях?

- Моя жена хочет помочь мне любым способом, каким она только может.

Вогт сравнил потенциальное осложнение из-за Ханнелоре с перспективой, которую он видел в Вилли и в объеме информации, которую тот мог предоставить. Утрата Юргена также висела на нем, поскольку на Вогта всегда оказывалось давление «сверху», требуя результатов.

- В таком случае, – сказал Вогт, – возьмите ее с собой. И действительно это могло бы выглядеть менее подозрительно, если вы поедете вдвоем. Это мог бы быть какой-то праздник, возможно. Мы придумаем для нее роль к этому времени.

«Erster Mai», праздник Первого мая, выпадал на пятницу. Вилли и Ханнелоре в четверг поздним вечером выехали на поезде из Западного Берлина в Западную Германию. Ханнелоре, приятная, немного пухлая женщина была и возбуждена, и взволнована, когда поезд двигался по блеклой восточногерманской сельской местности. Она прислонилась к своему мужу и пристально глядела из окна на

серые города и деревни, в которых все еще были видны разрушительные последствия войны. На улицах было мало людей и почти никаких частных автомобилей. Когда поезд после остановки на пограничном переходном пункте въехал в Западную Германию, пейзаж резко изменился. Внезапно появились огни и люди, совершенно другой мир – мир перспектив и возможностей. Она тогда подумала об их девочках, оставшихся с ее сестрой Луизой, и о той жизни, которую они заслужили. Она уже скучала по ним и не увидит их еще в течение пяти дней. Это стало бы самым длинным периодом, когда она когда-либо оставалась без них. Она сжимала руку Вилли и целовала его, когда он поворачивался и смотрел на нее.

Их встретили во Франкфурте и привезли на конспиративную квартиру в Швайнфурте, где господин Хуго объяснил, как они будут работать. Ханнелоре использовалась бы преимущественно в качестве курьера; поскольку предполагалось, что в случае потребности ей было бы легче ездить на Запад, без слишком пристальных досмотров. План состоял в том, чтобы снабдить Вилли миниатюрной камерой «Minox», скрытой в футляре для очков. Он мог использовать камеру, чтобы копировать накладные и другие документы, информацию, которую ему было бы трудно передавать другим путем.

Ханнелоре могла бы доставлять проявленную пленку в тайнике в Западный Берлин, где она бы передавала ее непосредственно или отправляла по почте на адрес до востребования в Западной Германии.

Они задали ей много вопросов о ее семье и ее биографии, и ее и Вилли попросили пройти проверку на детекторе лжи. Затем, в течение следующих трех дней, она и Вилли проходили обучение. Вилли учили, что именно нужно искать и как сохранять его личную безопасность. Их обоих обучали методам секретной связи, включая использование «открытых» кодов, поиск и идентификация мест для тайников, которые могли обслуживаться курьерами. Их привезли в сельскую местность и показали, как выбирать места для тайников и применять их, используя безобидные сигналы. Вилли, конечно, также прошел подготовку по использованию его скрытой камеры «Minox».

Было согласовано, что, за исключением незначительных сумм, они не получали бы прямую плату наличными. Вместо этого американцы держали бы деньги для них в условном депонировании. Это помогло бы избежать вопросов и подозрений, которые могли бы возникнуть, если бы у них вдруг появилось некоторое богатство, появление которого они не могли бы объяснить. Они должны были работать агентами в течение двух лет. После этого они должны были переехать

на Запад, где они получили бы свой доход полностью и получили бы преимущественные права на получение жилья и работы.

Никто другой, даже ее сестра Луиза, не должны были знать об этой договоренности. Они с удовольствием согласились с этими условиями, стремясь заработать лучшую жизнь для себя и своих девочек.

Господин Хуго казался действительно удовлетворенным, и на четвертый день их отвезли во Франкфурт, где они сели на поезд в Берлин.

Глава седьмая

Пол Вогт был дома, готовясь приступить к особенной трапезе со своей женой Соней и двумя юными сыновьями, Эриком и Марком. Этот обед должен был стать праздничным: двумя днями ранее Вогту сообщили, что ему присвоили звание капитана. Для праздника Соня сделала его любимую шведскую еду – фрикадельки. Донар, их немецкая овчарка, тоже кое-что ожидал от этого обеда. Он лежал в углу, внимательно наблюдая за мальчиками, надеясь и веря, что рано или поздно один из них «случайно» уронит фрикадельку на пол. Тут в другой комнате зазвонил телефон. Это был длинный день, и Вогт был раздражен тем, что его прервали. Несколько минут назад он открыл бутылку хорошего вина, и альбом Фрэнка Синатры тихо играл на заднем плане. Половина выходных закончилась, а он сказал своей команде, что планирует провести воскресенье дома.

- Иди и начинай без меня, Соня, – сказал он. – Не дай своему блюду остыть.

- Я могу поставить твоё блюдо в духовку, – сказала она, но он покачал головой.

В то время, пока она ела, Соня Вогт могла слышать, что говорил Пол на фоне классического произведения Синатры «In the Wee Small Hours of the Morning».

«Да... Правильно... Да, мы... В понедельник... Что с этим... Извините меня, что... [последовала длинная пауза]... Вы уверены в этом, нет никакой ошибки... нет, конечно... да... Я понимаю... Я не уверен... Не то, чтобы я знаю... Да, я буду... Очевидно... Нет, об этом я знаю... Информировать меня постоянно... Очень хорошо... Да... Спасибо, что сообщили мне... Добрый вечер».

Когда он возвратился в комнату, его лицо было пепельно-серым. Он сел за стол, опустошил свой бокал, и посмотрел на Соню, но ничего не сказал.

Соня отложила свою вилку, схватилась за сердце.

- Пол, что с тобой? Что-то случилось? Что-то с нашей семьей?

- Нет, это по работе. У нас проблема. Я не могу рассказать тебе о ней, но мне нужно будет срочно уйти, после того как я позвоню Дону. Пожалуйста, заканчивайте обед без меня. Простите.

Он возвратился в другую комнату, закрыл дверь, и набрал своего партнера, Дона.

- Я только что получил звонок из нашего бюро связи в Берлине. Вилли и Ханнелоре, они арестованы и обвиняются в шпионаже.

- Вот дерьмо, – воскликнул Дон. – Как же это произошло?

- Я не знаю. Штази их...

- Мать твою!

- Мне так жаль эту бедную женщину, – сказал Дон. – А что с их детьми?

Вогт забыл о девочках-близняшках.

- Я не знаю. Сообщи команде о том, что произошло. Я хочу увидеть всех сразу же утром. Нам придется много поработать. А я теперь поеду к Эрвину.

Он вернулся в столовую. – Я должен уехать.

- Куда ты поедешь, Пол?

- Я не задержусь надолго, – сказал он и оставил полный стакан вина на столе около своей нетронутый еды. Было девятое мая. Вилли и Ханнелоре пробыли дома меньше недели.

Хотя свет в квартире на втором этаже горел, первый этаж арендуемой квартиры Цэске был темным. Вогт позвонил в дверь и встал в стороне от двери. Он мог слышать, как звонок зазвучал внутри. Вогт засунул правую руку в карман брюк, сжимая свой 7,65-миллиметровый пистолет «Beretta». Спустя минуту он снова позвонил в звонок. Квартира казалась пустой. В животе у Вогта возникло неприятное чувство.

Он позвонил в звонок жителю верхнего этажа, и очень скоро услышал шаги на скрипучей лестничной клетке. Старик в шлепанцах, изношенных штанах и нижней рубашке открыл дверь.

- Да?

- Простите, что побеспокоил вас. Я искал семью Цэске. Я знаю, что они живут здесь.

- О, они уехали четыре, нет, пять дней назад, – сказал человек. – Внезапная возможность в Берлине. Эрвин продал свою мебель мне.

- Переехали в Берлин? А Эрвин не оставил адреса? Мне очень важно найти его.

- Нет, боюсь, что они не оставили адреса.

- Ну, похоже, что мне не повезло. Еще раз, извините за беспокойство.

- Это не беспокойство, – сказал старик. Затем он посмотрел на Вогта с усмешкой. – А я видел вас прежде. Вы тот парень, который регулярно посещал Цэске. Я часто спрашивал себя, нет ли у вас «Verhältnis» [интимные отношения] с его красивой женой?

Вогт не ответил, повернулся и ушел.

Старик закрыл дверь.

Пока Вогт шел к своему автомобилю, он думал, что вот же развратный ублюдок. Действительно «Verhältnis». Хотелось бы, чтобы это было так просто.

Глава восьмая

Дни сразу же после измены Цэске – а это было единственным разумным заключением – были полны лихорадочной деятельности. Команда в Бад-Киссингене и их штаб во Франкфурте были вынуждены подвергнуть переоценке каждого человека и всю информацию, которая потенциально могла оказаться под угрозой; все, о чем Эрвин Цэске смог узнать на протяжении четырех лет его работы: имена, адреса, процедуры. Это был кошмар, и, хотя этот провал и не был сравним по масштабу с Вюрцбургским инцидентом, он подрывал фундамент всего, что делала команда.

Конечно, они должны были предупредить Юргена Кройцфельдта и сообщить ему, что он тоже был скомпрометирован. Хотя ему и не угрожала какая-либо непосредственная опасность, он должен был знать, что у Штази теперь было его имя. Поскольку времени для личной встречи не было, Вогт отправил ему сообщение на новый адрес Кройцфельдта в Западной Германии.

В попытке исключить другие возможности, Вогт приехал в Берлин и разыскал столько из родственников Цэске, сколько он мог, и расспрашивал их о местонахождении Эрвина и его семьи. Все они утверждали, что ничего не знали. Он посещал места, где они обычно встречались, на всякий случай, вдруг он мог бы найти там кого-то, кто знал бы что-то, чем он мог бы воспользоваться, но все было напрасно.

Вогту представлялось ясным, что вопрос состоял уже не в том, перешел ли Эрвин Цэске на сторону Штази, а скорее в том, когда именно это произошло. Был ли он, возможно, двойным агентом все это время, или же это произошло позже? Была ли его пьяная вспышка в феврале результатом новых стресс-факторов, или же он перешел на сторону противника, как только Вогт уволил его?

Если бы только он тогда не так торопился сразу поставить Цэске на место. Если бы только он не обиделся так легко. Цэске был тогда жутко пьян, а Вогт не увидел, какая возможность представлялась ему, поскольку, если Эрвин Цэске когда-либо и мог что-то неосторожно выболтать о себе, то именно этот момент, конечно, был для этого самым подходящим.

Вогт также много думал о последнем разе, когда он видел этого человека. В тот день Цэске был в хорошем настроении. Они пили вместе в его гостиной и провозглашали тосты за Вилли. Единственная тень, которая вообще лишь чуть-чуть омрачила тогда настроение Цэске, упала на его лицо тогда, когда Вогт упомянул о том, что Юрген Кройцфельдт прекратил работу на команду. Теперь, оглядываясь назад, можно предположить, что это имело больше смысла; или Цэске уже передал имя Кройцфельдта своему «куратору» в Штази или собирался это сделать. Не вызвала ли эта новость так или иначе его измену? Если так, то Вогт сам неосторожно способствовал беде Вилли и Ханнелоре, и эта мысль преследовала его.

Но, возможно, самым тревожным аспектом инцидента были результаты проверки Эрвина Цэске на полиграфе. Когда Вогт снова нанимал Цэске, «Док» заявил, что этот человек чист. Результаты Цэске, очевидно, не давали повода для беспокойства, хотя он почти наверняка уже был двойным агентом в то время.

Вогт поехал во Франкфурт, чтобы поговорить с Джейсоном «Доком» Майерсом и пересмотреть результаты, но он добился слишком мало удовлетворительных ответов. Вместо этого то, что он услышал, было большой двусмысленностью и уклонением от прямого ответа: машина не регистрирует правду, она только регистрирует физиологические реакции опрашиваемого человека на ложь. И можно натренироваться так, чтобы достигнуть лучших результатов. Главным фактором является стресс. А у патологических людей другое отношение к правде, чем у большинства людей. И так далее.

Вогт ушел от него с чувством, что, хотя Майерс и представляется доктором – которым он не был – своим испытуемым, но полиграфическая машина была не скальпелем, как он предполагал, а больше похожа на топор, хороший в качестве грубого инструмента, но ограниченный в его применении.

Отто Шульц, который знал Цэске дольше всего, и которому, возможно, даже нравился этот человек, был мрачным, когда Вогт вернулся из Франкфурта.

- Ну, вот, этот хрен Эрвин был слишком скользким для этой коробки, – сказал он. – Откровенно говоря, я иногда думаю, что детекторы лжи стоят не больше той бумаги, на которой они царапают свои результаты.

- У меня был один случай, когда мы все еще были в полевом офисе в Вюрцбурге: Джим Рейнолдс, который является следователем в «Befra» в Бад-Нойштадте...

- А что такое «Befra»? – прервал его Вогт.

- Это сокращение от «Befragungsstelle», опросный пункт, где нарушителей границы расспрашивают в поисках любой полезной информации. Рейнолдс был для нас «ищейкой». Если он видит кого-то, кто может представлять для нас интерес, он сообщает нам. Мы делаем быструю оценку и попытку вербовки. Если все благоприятно, то человек возвращается в свое бывшее место жительства еще до того, как его там хватятся, и мы встречаем его или ее снова через несколько недель. Рейнолдс разыскал того парня. Он работал в интересном для нас месте. Это все казалось слишком хорошо, чтобы быть правдой, если честно. Ходил назад и вперед некоторое время, пытаясь это все устроить. Наконец, мы согласились, чтобы он остался работать на нас в течение двух лет, и у нас были бы деньги, ждущие его, пока он окончательно перебежит к нам.

Мои начальники хотели, чтобы он пришел к нам, чтобы лично ответить на некоторые вопросы. Лицом к лицу. Это было хитро задумано, и вот они назначили

встречу где-то в стороне. И так, была полночь и Карл, так его звали, оказался на этом заброшенном складе только для того, чтобы его там встретили вооруженные солдаты – не моя идея, между прочим. Я говорю ему, что это только предосторожность, и мы сразу ведем его на этот опрос. Время поджимало, потому мы сразу перешли к делу. Когда мы закончили, его отвели во вторую комнату и сказали, что его нужно проверить на детекторе лжи. Он был очень поражен этим, но согласился. В конце концов, ему вряд ли можно было отказаться.

Он проходит тест, дает все правильные ответы, и оператор говорит, что он чист. В течение нескольких недель Карл был одним из наших главных источников, он якобы имел доступ ко всему, о чем он нам говорил, и предоставлял нам то, что походило на хорошую информацию.

Несколько месяцев спустя, учтите, месяцев, а не недель, мне звонит один коллега. Его голос дрожит. Карл признался в том, что является двойным агентом. Не потому что его разоблачили, но потому, что мы ему понравились, и его стала мучить совесть из-за того, что он обманывал нас так долго. Когда мы приводим его на допрос, мы спрашиваем, как его научили обманывать детектор лжи, и знаете, что он сказал нам? Никак. Его совсем не учили этому. Он просто давал ответы, которые, как он знал, мы хотели услышать, и надеялся на лучшее.

Лучшее, что кто-то мог бы подумать, что он был настолько возбужден и потрясен, что оператор не получил хороший исходный стандарт в его случае. Чертовски бесполезная штука. Я всегда и всюду предпочел бы этой железяке агента с хорошими инстинктами.

Рой Грининг слушал с таким выражением на лице, которое заставляло предположить, что он слышал эту историю раньше, возможно даже от самого Отто.

- Вероятно, полиграф приносит больше пользы в работе уголовного розыска. Там ответы являются более прямыми. «Были ли вы дома ночью четвертого? Вы убили свою жену?» Но работа разведки...

Грининг покачал головой. – Слишком много в ней двусмысленностей, слишком много серых зон. Такие парни, как наш Эрвин, обычно оказываются более сложными. Откровенно говоря, самый эффектный результат часто – это то впечатление, которое вы получаете, когда говорите человеку об этой машине и приводите его на проверку. Я делал так, что люди раскалывались, или, по крайней мере, вздрагивали, от одной только перспективы, что их подключат к полиграфу. Обоснованная или нет, но угроза его использования иногда является самой сильной вещью, которую он делает.

Одна из многих задач, возникших в результате измены Цэске, состояла в том, чтобы покончить с адресом до востребования, который Вогт подготовил для Вилли, когда они должны были предположить, что вся почта с Востока в Западную Германию подвергалась цензуре. Чтобы получать письменные сообщения от Вилли, Вогт приготовил адрес до востребования, невинный почтовый адрес в Западной Германии, который могли использовать Вилли и Ханнелоре, чтобы отправлять зашифрованные сообщения, такие как даты встреч, которые могли показаться цензору безобидными. Ханнелоре также использовала бы этот адрес для пересылки микрофильмов из Западного Берлина. Естественно, они не использовали бы свои подлинные имена или адреса на конверте, но адрес получения должен был быть реальным.

Вогт завербовал Людвиг, чтобы служить адресом до востребования для Вилли. Его работа состояла в том, чтобы получать почту, которая приходила с Востока, и, не раскрывая ее, вкладывать во второй конверт, адресованный на почтовый ящик, который регулярно проверялся.

Людвиг, вдовец, жил в Швайнфурте со своим сыном, которому было семнадцать лет. Он был во время войны капитаном инженерных войск и был очень проамерикански настроенным, поскольку он попал в плен к американцам и был отправлен в Штаты в лагерь в Неваде, где с ним хорошо обращались. Он со страстью рассказывал о том, как их перевозили через Панамский канал. Он привлек внимание одного из товарищей по команде Вогта благодаря случайному контакту, и они чувствовали, что он мог бы быть хорошим кандидатом на роль. Они провели необходимые проверки его досье и выяснили, что он был чист. Вогт посетил его в его квартире и после небольшого вступительного разговора сделал попытку вербовки: согласился бы Людвиг использовать свое имя и адрес, чтобы получать почту для них из Восточной Германии? Людвиг, конечно, знал, что Вогт представлял американскую разведку, и Вогт объяснил, что будет с этим связано. В обмен на его услуги они платили бы ему жалованье, которое, хоть и не было большим, но дало бы ему некоторую поддержку. У Вогта было явное впечатление, что Людвиг жил очень скромно: у него была единственная спальня, которую он делил со своим сыном, несколько стульев в гостиной, маленький обеденный стол, и крошечная кухня. Людвиг принял предложение, и Вогт попросил его заполнить обычное в таких случаях заявление о своей биографии и заполнить анкету.

Во время второго визита Людвиг представил своего сына, который учился на инженера-механика и с гордостью показал Вогту некоторые свои металлические изделия. Мальчик был довольно высокий и хорошо сложенный, в отличие от своего отца, который был низкого роста и выглядел довольно хилым. Как часть

процесса проверки они послали ему несколько писем из Западного Берлина в защищенных от внешнего воздействия конвертах, которые он быстро переправил дальше, не пытаясь исследовать содержимое.

Когда они узнали, что Вилли был арестован, они должны были предположить, что Людвиг тоже был потенциально скомпрометирован. Задачей Вогта было сообщить ему об этом. Он встретился с Людвигом в его квартире однажды вечером. Людвиг был, как обычно, очень дружелюбен, пока Вогт не сказал ему, что человек в Восточной Германии, который должен был отправлять почту ему, арестован, и что они вынуждены предположить, что настоящее имя Людвига и его связь с нами стали известны противнику.

Его лицо побледнело, когда он услышал эту новость. Он ничего не сказал, но его сын встал и угрожающе двинулся к Вогту, который распахнул свой пиджак, чтобы продемонстрировать парню свой револьвер в плечевой кобуре. Мальчик замер, и Людвиг приказал ему сесть. Вогт принес извинения Людвигу, заплатил ему жалование за три дополнительных месяца и попросил его подписать заявление об отказе от претензий, завершив этим их отношения. Он чувствовал себя ужасно, оставляя Людвига в такой ситуации. Людвиг поверил, доверился им, а они его подвели.

Помимо и так нанесенного изменой Цэске ущерба, его предательство еще стало важным пропагандистским инструментом для Советов и восточных немцев, которые утверждали, что Западный Берлин был раковой опухолью, шпионским гнездом, используемым американцами, чтобы шпионить за ними, и поэтому он должен был быть «закрит».

Фотография Цэске появилась на целой первой полосе главной газеты Восточного Берлина, рядом с его интервью репортерам, в котором он выболтал перед всем миром то, о чем он знал, оказывая этим поддержку советской пропагандистской кампании по дискредитации Запада. Наряду со своим признанием о своей работе из Западного Берлина на американскую разведку, он также перечислял агентурные псевдонимы Вогта и людей его команды. Конечно, он идентифицировал Юргена Кройцфельдта как американского агента, которого статья упомянула в качестве главного примера незаконных американских действий. В статье не было никакого упоминания о Вилли, против которого в то время велось судебное следствие.

В ЭТИХ ДЖУНГЛЯХ ПРЯЧЕТСЯ ВОЙНА

[Редакционная статья в газете Neues Deutschland, 13 мая 1959 г.]

Так же, как Париж принадлежит территории Франции, а Лондон – Великобритании, так и весь Берлин принадлежит Германской Демократической Республике (Восточная Германия). Западногерманская пресса отрицает существование джунглей западных агентов в Западном Берлине. Сегодня мы представим вам четырех бывших членов американских, британских, французских и западногерманских секретных служб. Их личный опыт показывает, что находящийся под контролем западных держав Западный Берлин представляет собой джунгли, которые разрушат мир в мире....

Цэске был представлен как бывший американский шпион. Его фотография была на первой полосе газеты, а на второй странице его показали на пресс-конференции. В статье «Tote Briefkästen auf der Autobahn» [«Тайники на автострате»], он утверждал, что американская разведка использовала в шпионских целях водителей, перевозивших товары по шоссе, соединяющему Западную Германию с Берлином. Это утверждение было ложью, но другие его заявления были точны, и все они были частью пропагандистских усилий по дискредитации западных союзников.

В день, когда вышел этот номер «Neues Deutschland», Вогт получил гневное письмо от Кройцфельдта, где тот требовал сообщить ему, что произошло, и обвинял Вогта в халатном и неумелом руководстве. В ответ Вогт отправил ему по почте копию статьи и после этого никогда больше не получал никаких известий от Юргена.

Глава девятая

Арест Вилли и Ханнелоре стал сокрушительным ударом по Вогту и тем членам его команды, которые работали с Херцогами. Мало того, что они подвергли эту пару опасности, с которой те теперь столкнулись, но все они действительно любили Вилли и его жену. Чтобы больше узнать об аресте, Вогт и Уилкинсон решили навестить брата-близнеца Вилли, Хайнца, который жил в американском секторе Берлина. Они определили место жительства Хайнца, квартиру в здании, находящемся на расстоянии одного квартала от границы с Восточным Берлином. Находиться так близко к противнику представляло некоторую угрозу. Хотя никто не слышал о какой-либо грубой игре или похищениях, жертвой которых бы-

ли бы американцы, Вогт не хотел допустить ошибку и из предосторожности пошел на встречу вооруженный, со своей «Береттой» в кармане.

Была суббота, после полудня, когда они постучали в дверь квартиры Хайнца. Он подошел к двери и посмотрел на них с подозрением.

- Что вам нужно?

Вогт показал ему несколько документов, выписанных на вымышленные фамилии, которыми они пользовались для прикрытия.

- Мы американцы и хотели бы поговорить с вами о вашем брате.

- Приходите через час, – сказал Хайнц. – Наша квартира не готова к приему гостей.

Он закрыл дверь. Вогт посмотрел на часы. Была половина второго. Двое мужчины пошли обратно к улице.

- У меня из-за этого нехорошее чувство, – сказал Уилкинсон.

- Я согласен, – сказал Вогт, – но я не вижу, чтобы у нас был большой выбор. Я хочу поговорить с этим человеком.

Они пошли в соседнее кафе, чтобы убить время и вернулись точно в половину третьего. На сей раз, когда они постучали в дверь, они получили более сердечный прием.

- Пожалуйста, входите.

Хайнц провел их в гостиную и указал на место на диване, лицом к двери. Он представил им свою жену Эльфриде, которая на короткое время вошла в комнату и снова вышла.

Последовал недолгий разговор о пустяках, и Вогт ощущал, что Хайнц тянул время. И действительно парадная дверь открылась без предупреждения, и вошли двое крепких мужчин в деловых костюмах. На мгновение Вогт подумал, что его худший страх стал реальностью – что эти люди были агентами Штази. Рефлексивно он подумал о пистолете в своем кармане. Но затем каждый из мужчин показал значок, круглую пластинку, прикрепленную к их ремням.

- Мы из уголовной полиции, – сказал один из них, к большому облегчению Вогта.

Явно старший офицер был дружелюбен, но настойчив.

- Вы должны пройти с нами в наш участок. Нам нужно проверить, кто вы такие.

Четыре человека покинули квартиру, и как только они оказались на улице, старший офицер попросил их предъявить удостоверения.

- Разумеется, – сказал Вогт, и он и Уилкинсон вынули из кармана документы на трех страницах, написанные на английском, немецком и французском языке, где были указаны их настоящие имена, и содержалась просьба оказывать предъявителю документа всю возможную помощь. Начальник разведки американской армии в Европе генерал-майор Уиллемс подписал их лично.

На двух полицейских эти документы не произвели большого впечатления. Они едва взглянули на них.

- Мы должны позвонить господину Соммерсу, нашему американскому контактному лицу в Берлине. Если он скажет, что вы настоящие, то мы проведем вас назад в квартиру.

У Вогта и Уилкинсона не было другого выхода, кроме как последовать их распоряжению.

Участок был совсем недалеко от квартиры. Когда они пришли туда, один из полицейских сделал телефонный звонок, произнес несколько слов и передал трубку Вогту.

- Господин Соммерс на линии.

Вогт никогда не слышал о Соммерсе, но он был, очевидно, основным связующим звеном между полицией и американскими властями в Западном Берлине. Вогт представился, назвал свою организацию и ее местоположение в Западной Германии, добавив, что они были на важном задании. Соммерс, казалось, понял, задал несколько вопросов и попросил Вогта передать трубку полицейскому, который затем кивнул и повесил трубку.

- Хорошо, – сказал он.

Затем двое полицейских проводили их назад к квартире Хайнца.

- Это действительно американские агенты, господин Херцог. Мы проверили их подлинность. Вам нечего бояться.

Хайнц поблагодарил полицейских. На сей раз Вогт и Уилкинсон получили более теплый прием. После того как полицейские уехали, Вогта и Уилкинсона пригласили на кофе и пирог, поданные женой Хайнца, которая затем ушла в другую комнату, чтобы они могли беседовать конфиденциально.

Хайнц, конечно, знал об аресте Вилли и Ханнелоре и сказал, что их дочери были с сестрой Ханнелоре в Восточной Германии; это стало огромным облегчением для Вогта. Вилли объявили непригодным предстать перед судом по причинам безумия; он был в закрытом сумасшедшем доме в городе Магдебурге. Хайнц сказал, что Вилли разрешают одно посещение каждый месяц, и он действительно недавно навестил его. Они спросили о состоянии Вилли, и Хайнц сказал им, что Вилли был в здравом уме, но на строгом режиме лечения. Он жил в палате с двумя другими пациентами. Казалось, что в закрытой больнице не было такой строгой безопасности, которую можно было бы ожидать в тюрьме. Хайнцу разрешили принести фрукты и конфеты во время посещения, но его сумку обыскали после входа на территорию учреждения.

После ареста Вилли и Ханнелоре были разделены, и главным следователем Вилли была женщина по фамилии Кольциг в звании капитана, и она угрожала Вилли смертной казнью, если тот не станет сотрудничать с властями самым тесным образом.

Очевидно, отсутствие медицинского обслуживания привело к тому, что головные боли Вилли стали фактически невыносимыми, и он пришел к мысли симулировать сумасшествие; с сильной головной болью и тяжелыми условиями это было легко сделать. Он стал абсолютно непоследовательным, вел себя абсурдно, и однажды попытался помочиться на следователя, пока его физически не остановили.

Вилли был вынужден посетить суд над его женой, где его попросили идентифицировать ее. Он ответил, что не знает ее. Тогда госпожа Кольциг задрала платье Ханнелоре, показывая ее интимные места.

- А это вы узнаете? – спросила она, но он стойко отрицал, что знает свою жену.

Ханнелоре переложила большую часть вины за свое участие в попытке шпионажа – она ведь фактически еще не совершила никаких действий, кроме согла-

сия делать это – на своего мужа. Она была признана виновной и получила три года тюрьмы.

Заключение Вилли в закрытый сумасшедший дом было на неограниченный срок, но это было куда лучше, чем возможное рандеву с «Fallschwertmaschine» [гильотина].

Пока Хайнц говорил, Вогт формировал свое впечатление о нем. Хотя он был братом-близнецом Вилли, он не был сильно на него похож. У Хайнца были темные волосы, он был несколько выше, чем Вилли, и вовсе не демонстрировал открытости и дружественного поведения своего брата. Он тоже сражался во время войны на Русском фронте, но в пехоте.

- Я стрелял из своей винтовки в воздух вместо того, чтобы стрелять в людей.

Вогт посчитал это утверждение малодостоверным, потому что он по своему опыту знал, что пехотный бой был жестокой бойней, где была лишь одна альтернатива – убивать самому или быть убитым. Хайнцу повезло, что в плен его взяли англичане, а не русские.

- Если бы было возможно, – спросил Вогт, – вы помогли бы нам попытаться вытащить Вилли из сумасшедшего дома?

Хайнц на некоторое время задумался.

- У вас есть осуществимый план?

- Пока нет, но если вы поможете нам, то мы его придумаем.

Вогт мог бы сказать, что этот человек колебался, и был рад, когда Хайнц, наконец, посмотрел ему прямо в глаза и коротко кивнул.

- Да, я согласен.

Они договорились встретиться во Франкфурте через две недели. Они компенсируют все его расходы и Вогт и Уилкинсон с его участием разработают реалистический план спасения Вилли. Затем Вогт дал ему номер телефона, с помощью которого они могли бы установить точное место и время встречи.

Две недели спустя Вогт встретил Хайнца на вокзале во Франкфурте. Брат Вилли выглядел возбужденным.

- Я уведомил берлинскую полицию и Интерпол об этой поездке, – сказал Хайнц в тот же момент, когда спускался с платформы. – Если со мной что-нибудь произойдет, то они будут знать.

- Что это должно значить? Что, вы думаете, тут происходит...

- Я не верю, что вы тот, за кого себя выдаете! Ваш немецкий язык слишком совершенен, и кроме того, вы не похожи на американца. Возможно, вы – с другой стороны.

- Это смешно, Хайнц. Вы же проверяли меня с помощью полиции меньше двух недель назад.

- Я все еще не уверен.

- Это только нервы с вашей стороны.

- Возможно, но, если вы американец, вы должны суметь убедить меня.

- Скольких американцев вы знаете?

- Не в этом дело. Я здесь сильно рискую.

- Но Вилли ваш брат, а не мой.

- Это может быть ловушкой.

Вогт знал, что это могло стать проблемой. Он должен был убедить Хайнца и успокоить его страхи, иначе все предприятие было бы бессмысленно. Было уже поздно, и Вогт отвез Хайнца в соседний отель, где он снял комнату для него. Он дал ему немного денег и сказал Хайнцу, что он встретит его в десять часов следующим утром. Вогт придумал план, который требовал посещения штаба Военной полиции.

Следующим утром Вогт увидел Хайнца, стоящего возле отеля, и он выглядел столь же взволнованно, как предыдущим вечером. Вогт кивнул ему, когда тот приблизился.

- Как вы спали, Хайнц?

- Плохо, – сказал он. – Я вскакивал при любом звуке.

- Хорошо, давайте успокоим некоторые из ваших страхов. Идите со мной.

Вогт подошел с Хайнцем к фасаду вокзала и посмотрел на большие часы на входе.

- Ну вот, точно в полдень оливково-серый американский военный автомобиль с надписью MILITARY POLICE на белом фоне на двери появится оттуда и дважды объедет здесь по кругу перед тем, как уедет в том же направлении, откуда приехал.

Хайнц кивнул.

- И если это произойдет, хватит ли этого, чтобы убедить вас, что я действительно американский агент? Вы тогда будете сотрудничать с нами, ради Вилли?

- Да, – сказал Хайнц, выглядя, как подумал Вогт, немного смущенным.

- Превосходно. Я встречу вас перед вашим отелем спустя несколько минут после двенадцати.

С этими словами Вогт повернулся и ушел.

Франкфуртский вокзал был полон людей и активного движения. Точно перед полуднем Вогт стал в одном месте, откуда он мог видеть круг дороги и Хайнца, не выдавая себя. Когда часы показали полдень, машина военной полиции въехала на кольцевую транспортную развязку, дважды сделала круг по ней и съехала с нее. Вогт видел Хайнца, стоявшего на тротуаре и сильно всматривающегося, и видел, как он повернулся и пошел назад к своему отелю. Вогт последовал за ним несколько минут спустя и встретил его в фойе.

Хайнц пожал руку Вогта без слов, затем Вогт провел его в свою комнату, где Вогт сказал Хайнцу, что тот должен будет пройти проверку на детекторе лжи. Он сказал Хайнцу, что это было обычным требованием, и что они не подозревали его в чем-либо, но должны были проверить то, что он сказал им о встрече с Вилли. Хайнц поколебался одно мгновение, но потом согласился пройти тест.

У Вогта также был скрытый мотив хотеть, чтобы Хайнц прошел тест: он должен был утвердить свою власть. До сих пор командовал Хайнц, заставляя Вогта реагировать на свои страхи и подозрения, и так больше не могло продолжаться. Они уже провели проверку биографии Хайнца, проверяя его досье с полицией и другими местными и федеральными властями в Германии, и не нашли ничего негативного. Они сделали то, что они могли, чтобы установить его честность, и

были готовы сделать следующий шаг. Как только эксперт доказал, что Хайнц чист, приготовления к спасению Вилли начались всерьез.

Если и был какой-то способ для Вилли сбежать из закрытого сумасшедшего дома, то ему для начала понадобился бы новый документ. Как все полицейские государства, Германская Демократическая Республика требовала, чтобы ее граждане носили с собой удостоверение личности, или PAD, где указывались имя, место жительства и фотография предъявителя, и этот документ заверялся официальной подписью и печатью. Воспроизвести такой документ на пустом месте было возможно, но трудно. Помимо создания фальшивой личности, PAD должен был бы демонстрировать следы своего естественного износа.

Конечно, альтернативой изготовления PAD «из ничего» могло стать использование реально существующего удостоверения, одного из тех, которые были сданы тысячами недавних беженцев из ГДР. Для спасения Вилли они должны были бы заменить фотографию, так, чтобы он мог воспользоваться документом этого беженца.

Через своих офицеров связи они приобрели PAD человека, который, как и Вилли, был жителем одного из предместий Берлина до того, как сбежал на Запад, и некоторые его физические параметры были похожи на параметры Вилли.

У них еще были фотографии Вилли и Ханнелоре, похожие на паспортные, снятые в то время, когда они обучали их, и вклейка его фотографии в PAD была бы относительно проста. Они все еще нуждались в некоторых других вещах, нужных для того, чтобы документ выглядел подлинным. Многие жители ГДР были членами спортивной организации, которая была военизированной по своей природе, и членский билет которой также нес фотографию предъявителя. Прежний владелец PAD тоже имел такой документ, таким образом, у них теперь было два документа, подтверждающие друг друга, которые они могли использовать. Они приступили к работе, чтобы подготовить документы с новой фотографией. Затем им нужно было сделать в сумке тайник, где можно было бы спрятать документы.

Хайнц сказал, что, когда он навещал своего брата, ему разрешили принести в закрытую клинику такие вещи как фрукты, и что сумка и ее содержимое досматривались лишь поверхностно. Кожаная сумка на ремне, которую они использовали, была типичной для немецких рабочих, потрепанной и изношенной. Техники сделали в ней двойное дно с достаточным пространством, чтобы разместить там эти два документа, немного денег и чуть-чуть карманного мусора [всякую мелочь, вроде обрывков билетов], которые они должны были добавить.

Задолго до встречи с Хайнцем они разработали схему плана спасения Вилли, зная, что это зависело от документов прикрытия и некоторых средств, с помощью которых он мог их получить. Здесь была важна роль Хайнца. Они обсуждали планы с Хайнцем, давая ему возможность уточнить решающие детали, такие как выбор времени, чтобы план сработал. Фактический побег, однако, должен был спланировать уже сам Вилли, используя свою изобретательность и отчаяние.

Они знали, что время проведения операции было важным. Как быстро имя прежнего владельца удостоверения появится в официальной регистрации в качестве сбежавшего на Запад? Если это произойдет, то полицейская проверка немедленно разоблачит Вилли, как только его проверят. Хайнц понимал безотлагательность выбора времени, и он также понимал, что подвергает себя значительному риску, участвуя в этом плане.

Вогт сказал Хайнцу, что после передачи материала Вилли он должен внушить ему важность запоминания его поддельной личности, нового имени и адреса, так, чтобы если его спросили вне стен клиники, его ответы были автоматическими и правдоподобными. Самое важное: он должен был прятать документы от глаз двух его соседей по палате и персонала больницы. Вилли должен был разработать свой собственный план как выйти незамеченным с территории сумасшедшего дома. В этом ему никто не мог помочь. Его побег будет зависеть от его воображения, наблюдательности, решительности и от того, будет ли удача на его стороне. Идея состояла в том, что, как только он окажется вне клиники, он пройдет пешком настолько далеко насколько возможно, а затем сядет на автобус в Берлин, а там спустится на станцию метро, чтобы, наконец, на поезде метро приехать в Западный Берлин – к свободе.

В сумке были спрятаны два документа, подтверждающие личность, маленькая сумма восточногерманских марок, и карманный мусор. На их последней репетиции с Хайнцем они повторно подчеркнули все, что он должен был внушить Вилли. Его предупредили, чтобы он ничего не говорил об этом своей жене, потому что она, вполне естественно, могла бы отговорить его от этой очень опасной миссии. Он согласился. Затем они передали ему сумку и посадили его на самолет авиакомпании «Pan Am» из Франкфурта в Темпельхоф, аэропорт в Западном Берлине. Даже при том, что Хайнц прибыл во Франкфурт поездом, Вогт не хотел рисковать, отправляя его назад в Берлин на поезде; никогда нельзя было быть уверенным в безопасной поездке через Восточную Германию.

Хайнц должен был сообщить Вогту по телефону, как только у него будет твердая дата посещения своего брата. После его посещения он должен был позво-

нить снова, чтобы сообщить об этой встрече и о реакции Вилли. Если бы побег Вилли удался, то он должен был бы прийти в дом своего брата. Вогт попросил, чтобы ему немедленно сообщили, как только это произойдет.

Они расстались в аэропорту, и Вогт наблюдал, как Хайнц сел на самолет. Оба понимали, что это была не какая-то маленькая операция. Здесь очень многое могло пойти не так, как надо.

Глава десятая

В следующее воскресенье после своего возвращения в Берлин Хайнц подготовился навестить Вилли. Он поехал на метро из Западного в Восточный Берлин. Хайнца остановили на пограничном переходе Фридрихштрассе, и его удостоверение личности проверили два сотрудника Volkspolizei [Народная полиция], когда он выходил из поезда, но ничего необычного не произошло. Он нес поношенную кожаную сумку, содержащую яблоки, груши и плитку шоколада. Затем он сел на автобус, который должен был привезти его в Магдебург. Хайнц совершал эту поездку прежде, потому ничего не казалось необычным.

Путешествие на автобусе из Берлина до Магдебурга заняло приблизительно три часа, с многочисленными остановками по пути. Конечная остановка была в трех кварталах от исправительного учреждения, и Хайнцу потребовалось около пятнадцати минут, чтобы дойти до главных ворот. Он предъявил свои документы охране и попросил навестить своего брата. Полицейский взял его сумку и вывалил содержащиеся в ней фрукты и шоколад на свой потертый стол, подвигав их по столу, прежде чем вернуть обратно в сумку. Хайнц пытался казаться спокойным, но он чувствовал, как напряжение охватило его. Второй часовой привел Хайнца в комнату для посетителей, где он ждал Вилли, и время ожидания для его взбудораженного ума показалось ему бесконечным. Они обменялись приветствиями и болтали некоторое время, а затем Вилли предложил, чтобы они поднялись на крышу, где они могли бы на какое-то время оставаться без присмотра. Очевидно, не было никаких ограничений, которые могли бы помешать им, так что они поднялись по лестнице на крышу четырехэтажного здания и сидели на краю стены, окружающей плоскую крышу. Никого больше вокруг не было.

Они съели несколько фруктов. Вилли по поведению Хайнца явно чувствовал, что происходит что-то необычное. Он посмотрел на него насмешливо.

- Что-то не так?

- Если бы у тебя был шанс, ты бы сбежал отсюда?

- Конечно, сбежал бы, только очень мало шансов, что такое случится.

Хайнц тяжело сглотнул. – Твои американские друзья спланировали твой побег. У меня с собой несколько документов, которые сделают из тебя другого человека. Но придумать способ выйти отсюда ты должен сам. Документы помогут тебе пройти любой контроль, после того, как ты сможешь выбраться.

Вилли довольно долго думал, и затем искренняя улыбка – первая, которую Хайнц увидел у своего брата – появилась на его лице. – Что мне терять? Если все останется как есть, то я, вероятно, проведу остаток жизни в этом зоопарке. Я воспользуюсь любым шансом, лишь бы это изменить.

Хайнц снял двойное дно сумки и вынул документы, деньги и карманный мусор, который включал обрывок билета на автобус.

- Ты должен выучить это имя и адрес, пока не будешь знать наизусть. Запомни, тебя почти наверняка будут спрашивать, и из-за любого колебания или промаха ты немедленно окажешься в беде. Кроме того, ты должен все тщательно продумать и спланировать, как выбраться отсюда. Есть какие-то идеи?

Пока Хайнц говорил, Вилли смотрел на водосточную трубу, которая шла от крыши до земли.

- Я уже кое-что придумал.

Он взял материал от Хайнца, засунул его в карманы штанов, и попрощался. Хайнц взял сумку и обменялся с братом рукопожатием. Рука Хайнца дрожала, но Вилли был тверд и спокоен.

- Скоро увидимся, брат.

Хайнц уехал с тяжелым сердцем, полный трепета, но Вилли был явно возбужден, источая уверенность и энтузиазм, который можно было бы ожидать от бывшего летчика-истребителя.

Хайнц возвратился домой тем же вечером и позвонил Вогту. Пока все шло по плану.

Следующие несколько дней Вилли планировал свой побег. Он знал, что у него был только один этот шанс, и он не мог допустить ошибки. Сначала ему нужно

было решить проблему со своими двумя соседями по палате. Если бы они увидели что-то странное, они были бы обязаны донести об этом. Как и он, они находились под действием успокоительных медикаментов. Вилли по вечерам давали снотворное, но вместо того, чтобы глотать таблетки, он в течение двух ночей прятал их в своем мешке для белья. Он намеревался в будущем усыпить своих соседей по комнате, добавив свое снотворное к их таблеткам в вечер своего запланированного побега, чтобы они еще сильнее заснули и не могли следить за ним и сообщить о его будущих действиях. Но как выйти из здания? Все окна были зарешечены, у главного входа круглые сутки стояла охрана, а все другие выходы были заперты или зарешечены. Он видел, что не было никаких барьеров на крыше, и там была водосточная труба, которая вела от крыши до земли. Но была ли эта труба достаточно крепкой, чтобы выдержать его вес? Или она в некоторых местах настолько проржавела, что оторвется от здания, и он упадет на землю? Он понимал, что это опасно, но это казалось его единственным выбором.

Вилли хотел реализовать свой план в следующее воскресенье. Погода была сухой, и луна не светила. В девять вечера был последний обход, во время которого распределяли лекарства. Вилли вызвался помочь, что он делал и в прошлом, и тайно подсунул дополнительное снотворное в бумажный стаканчик каждого из своих соседей по комнате. К десяти вечера они крепко спали, и все было тихо. Он вытащил из своего мешка для белья документы на чужое имя, деньги и все остальное, что передал ему Хайнц. Затем он скрутил одно из своих одеял и уложил его на его кровати, под другим одеялом, в форме человека, достаточно похоже, чтобы одурачить случайного наблюдателя. Он пробрался по коридору к туалетам, душам и шкафчикам. Вилли вынул свою уличную одежду из шкафчика и быстро надел свою обычную верхнюю одежду: рубашку, брюки и ботинки. Затем он аккуратно положил удостоверяющие личность документы в карман рубашки, а деньги и обрывок автобусного билета засунул в карманы штанов.

Он поднялся по лестнице на крышу. Ночь была холодной, но сухой. Единственное освещение, казалось, исходило из окон на первом этаже, где находились охранники. Было устрашающе тихо. Сердце Вилли колотилось. Пора, подумал он.

Он снял ботинки, тщательно связал шнурки, и повесил их вокруг шеи. Он снял носки и засунул их в карман, поскольку босиком он мог спускаться более уверенно. Он перемахнул через стену в том месте, где водосточная труба расширялась, осторожно охватил трубу и начал свой спуск. Труба была крепкой; его страх, что она сломается, похоже, оказался необоснованным. Используя руки и ноги, он медленно спускался к земле. Все казалось тихим и спокойным. Из со-

седних зданий исходил очень слабый свет, но он определил несколько огней вдалеке, где могла быть главная дорога, и там он мог бы найти транспорт, чтобы поехать в Берлин.

Оказавшись на земле, он надел носки и ботинки и быстро двинулся в сторону освещенного района. Исправительное учреждение было на некотором расстоянии от основной части города, но через несколько минут Вилли оказался в городском районе с частными домами и магазинами. Было устрашающе тихо, и он не видел машин или пешеходов, когда шел по дороге. Он продолжал идти, не зная, каковы должны быть его следующие шаги. Он внезапно услышал автомобиль, приближающийся к нему сзади. Он повернулся и увидел свет синих «мигалок». Это была полиция, и они хотели, чтобы он остановился.

Вилли знал, что его поймали. Его отсутствие было обнаружено.

Полицейский вышел из автомобиля.

- Разве вы не знаете, что с одиннадцати начинается комендантский час? Что вы здесь делаете?

Они не знают обо мне, что же мне им сказать, чтобы прозвучало правдоподобно?

- Я оказался здесь и заблудился, потому что мне пришлось выпрыгнуть из окна спальни, когда муж неожиданно пришел домой.

Двое полицейских начали смеяться.

- Все равно, пройдите с нами.

Вилли забрался в автомобиль, пытаясь выглядеть смущенным, а не испуганным, и его привезли в отделение полиции. Там его обыскали и забрали его документы, отобрали его деньги, сняли ремень и шнурки с обуви и оставили его в клетке. Уверенный, что ему конец, он залез в свою койку. Он смотрел на решетки своей камеры.

Опять дома, подумал он.

К утру полиция, конечно, узнает о побеге из исправительного учреждения и соединит два и два, идентифицировав его как беглеца. Его сон был прерывистым, но он смирился с тем фактом, что он пойман и теперь должен будет ответить за последствия. Когда наступило утро, Вилли приготовился к худшему.

Наконец, один из полицейских открыл дверь клетки, вручил Вилли его шнурки и ремень, и сказал ему, чтобы он забрал свои вещи на столе, после того, как умоется. Вилли не мог поверить своим ушам. По сути, ему сказали, чтобы он шел своей дорогой.

- Я надеюсь, что она стоила этого, – сказал один из полицейских, подмигивая, когда он забирал свои документы.

Вилли усмехнулся.

– Вы даже не представляете, – сказал он.

Полицейские показали ему направление, где находится остановка автобуса, который должен был отвезти его в Берлин. Он пошел на остановку пешком. Судя по расписанию, до следующего автобуса было еще два часа. Вилли очень волновался; через еще два часа полиция могла бы узнать о нем. Автобусная станция была расположена недалеко от вокзала. Он проверил железнодорожное расписание и нашел поезд в Берлин, который должен был отправиться через полчаса. Тогда он решил купить билет до Потсдама.

Расстояние от Магдебурга до Берлина по железной дороге составляет 140 километров, и поезд не был экспрессом, потому он много раз останавливался по пути. На одной из остановок Вилли увидел, что трое полицейских сели в поезд, и это его встревожило. Он подумывал выйти из поезда, но, в конечном счете, отказался от этого. Полицейские шли через поезд, и Вилли постарался выглядеть спокойным и скучающим. Они только поглядели на него, когда они шли, шутя друг с другом. Вскоре поезд прибыл в Потсдам, где Вилли Херцог сел на метро в Западный Берлин. На первой остановке он вышел и отправился к дому своего брата.

(Неточность у автора. Метро из Потсдама в Берлин никогда не ходило. Вилли мог ехать только на городской электричке (S-Bahn). – прим. перев.)

Телефон зазвонил на специальной линии, что означало звонок от Хайнца. Вогт осторожно поднял трубку, но голос на другом конце принадлежал не Хайнцу. Это был Вилли, и он был в восторге.

- Шеф, у нас получилось!

У Вогта гора с плеч свалилась.

- Завтра я встречу вас. Запланируйте провести нескольких дней с нами во Франкфурте.

На следующий день, Вогт прилетел на самолете ВВС США в Темпельхоф в Западном Берлине и затем взял такси до дома Хайнца. Херцоги ожидали его. Эльфриде испекла пирог в честь праздника.

Несмотря на трудное испытание, Вилли выглядел хорошо. Он казался веселым и был готов без конца рассказать о побеге. Вогту пришлось останавливать его, сказав, что в следующие несколько дней будет много времени, чтобы обсудить все подробно. Он дал Вилли немного денег, чтобы тот смог купить приличную одежду, и договорился встретиться с ним на следующее утро. Затем Вогт поблагодарил Хайнца за все, что он сделал и вручил ему конверт с небольшой суммой денег. Он забрал назад сумку с тайником и взял у Вилли поддельные документы, потому что тот очень скоро должен был получить настоящие западногерманские документы.

На следующий день он поехал с Вилли в Темпельхоф, чтобы сопровождать его на военном самолете во Франкфурт. Когда они прибыли на авиабазу Рейн/Майн, их встретил Дон Уилкинсон, который отвез их на конспиративную квартиру в окрестностях города.

В течение следующих трех дней Вогт и Уилкинсон опрашивали Вилли, начиная с его ареста и заканчивая побегом. Его дух оставался высоким, кроме тех случаев, когда он описывал арест его жены, суд над нею и ее тюремное заключение. Он казался удовлетворенным тем, что Петра и Лена были в безопасности с сестрой Ханнелоре. Во время этого трехдневного периода Вилли также исследовал один из их врачей, который заявил, что у него хорошее физическое здоровье. В душевном отношении он был внимательным, откровенным в своих ответах на их вопросы, и контролировал свои эмоции – замечательное достижение, учитывая, через что ему пришлось пройти.

После расспроса они попросили его пройти проверку на полиграфе. Эксперт задавал конкретные вопросы относительно его утверждений, и не было никаких признаков обмана.

В последний день Вогт привез Вилли в лагерь Кэмп-Кинг, в Оберурзеле, немного севернее Франкфурта. Это был центр опроса беженцев из восточноевропейских стран, обладавших ценной для американской разведки информацией. В Кэмп-Кинге был также офис, который готовил необходимую документацию для переселения беженцев в Западной Германии. Вогт представил Вилли человеку,

занимавшимся подобными случаями и Вилли заполнил все виды заявлений и анкет, процесс, который занял почти половину дня. Когда это все закончилось, ему было выдано западногерманское удостоверение личности и так называемый C-Schein, документ, который давал ему преимущество при получении жилья и работы, а также другие документы, помогающие решить вопросы с медицинским обслуживанием и социальным обеспечением. Вилли теперь не только официально стал жителем Западной Германии, но и получил привилегированный статус. Ведь именно это и обещали ему и Ханнелоре. Учитывая обстоятельства их разоблачения и ареста – не из-за их собственной ошибки – существовало обязательство сдержать обещание независимо от продолжительности их службы.

В конце дня осталась еще только одна задача. Деньги, хранившиеся на условном депонировании, составляли 2 500 долларов США или 10 000 марок ФРГ, и Вогт вручил эту сумму Вилли наличными. Затем Вогт попросил Вилли подписать заявление об отказе от претензий, что официально завершило их отношения.

Вилли, кажется, был ошеломлен всем этим. Как только они покинули Кэмп-Кинг, Вогт спросил Вилли, может ли он подвезти его, но Вилли сказал, что он лучше поедет во Франкфурт просто на автобусе. Так как у Вилли было с собой много денег, Вогт предложил, чтобы он пошел в банк и положил их на счет или, по крайней мере, поместил их в банковский сейф. Он сказал, что так и сделает. Они обменялись рукопожатием и попрощались. В глазах Вилли были слезы, и в глазах Вогта тоже.

Глава одиннадцатая

Вилли был немного измучен всем тем, что произошло. Сидя в автобусе, идущем в центр Франкфурта, глядя на движущийся пейзаж за окном, он понимал, что ему нужно было об очень многом подумать. Ему следовало продумать несколько осторожных планов. Его варианты состояли в том, чтобы либо найти местожительство где-нибудь в Западной Германии, либо вернуться в Берлин. Он также должен был подумать о получении работы. Пачка наличных, которую он только что получил, хоть и была существенной суммой, позволит ему продержаться лишь некоторое время – а что потом? Если бы он хотел обосноваться на Западе, где бы он лучше всего приспособился? Хотя в ФРГ было много беженцев из Восточной Германии и бывших немецких областей, которые теперь принадлежали Польше, враждебность между «настоящими» западными немцами и вновь прибывшими все еще существовала. Его другой выбор состоял в том, чтобы вернуться в Западный Берлин, где у него был брат, с которым он был достаточно близок. Что наиболее важно, его девочки не были бы далеко, и они могли бы

посещать его. Если повезет, то, как только Ханнелоре вышла бы из тюрьмы, возможно, они снова могли бы быть вместе как семья.

Он чувствовал огромное бремя ответственности за нынешнее тяжелое положение Ханнелоре и девочек и должен был сделать это для них. Берлин также больше нравился ему, потому что он восхищался жизненной энергией его жителей, которые были готовы оставить позади себя опустошения войны и смотреть в будущее. Но какое будущее? Берлин был островком посреди моря коммунизма и угнетения, и ему постоянно угрожала опасность поглощения этим морем в любое время. Все же, возможно, случилось так, что именно эта угроза сделала берлинцев такими энергичными и особенными. К тому времени, когда автобус прибыл во Франкфурт, Вилли принял решение: он хотел начать новую жизнь в Западном Берлине и найти свое место в этой пульсирующей атмосфере, несмотря на вездесущую, зловещую угрозу, исходящую от коммунистов.

Он пошел на вокзал и позвонил Хайнцу.

- Я хочу сесть на ближайший поезд в Берлин. Как ты думаешь, я мог бы пожить у вас, пока я не найду себе собственное жилье?

- Приезжай!

Вилли сел на поезд в Западный Берлин, поездка на котором должна была продлиться не менее восьми часов. Он вспоминал, что только несколько месяцев назад он и Ханнелоре, полные энергии и ожидания, сели на тот же самый поезд, чтобы приступить к своим опасным, но захватывающим ролям шпионов. Вилли крепко сжимал сумочку с деньгами и несколькими личными вещами. Он не выпускал ее из виду, даже посещая туалет. Его попутчики, глядя на него, должно быть, считали его немного странным.

Затем поезд остановился на границе ФРГ и ГДР, и вагоны были запломбированы – никто не мог сесть в них или выйти во время поездки через Восточную Германию. Хотя мысли Вилли были с Ханнелоре и теми временами, когда они были вместе, он ощущал жуткое беспокойство, граничащее с паникой, поскольку поезд вез его через Восточную Германию в течение следующих шести часов. Хотя ему сказали, что ничего не должно было случиться, но как он мог быть уверен, что поезд не будет остановлен и обыскан? Он продолжал думать о том, почему он не полетел на самолете вместо того, чтобы сесть на этот поезд? Но правда была в том, что он выбрал поезд в первую очередь из-за цены билета. Путешествие на поезде было относительно дешево, а ему нужно было осторожно обращаться со своими деньгами. Он не знал, сможет ли он найти работу и когда, и

он не мог оставаться у Хайнца навсегда. Ему удалось удержать свои страхи под контролем, и когда поезд проезжал через Магдебург, Вилли попытался увидеть большое белое здание, которое было его тюрьмой всего лишь чуть больше недели назад. Но было темно, и ничего не было видно. Тем лучше.

Как только он прибыл в Западный Берлин, он взял такси до дома своего брата. Хайнц и Эльфриде подготовили свою кушетку в гостиной, которая должна была служить ему кроватью, но присутствие его в их гостиной было бы бременем для них. На следующий день после своего прибытия Вилли пошел в соседний банк, чтобы открыть счет. Банковский служащий поднял брови в недоверии, когда Вилли вручил ему пачки наличных денег, но он не просил объяснений, и сам Вилли тоже ничего не стал объяснять.

Затем он пошел в ту часть городской администрации, которая занималась арендой жилья. Он заполнил анкету с просьбой о квартире с одной спальней или о студии в приличном районе.

- Вы должны стать в очередь, – сказал чиновник. – Сдающегося в аренду жилья в этом городе недостаточно.

Когда Вилли вытащил C-Schein, выданный ему в Кэмп-Кинге, поведение чиновника изменилось.

Вилли поблагодарил его и уехал.

Затем он должен был найти работу. Он полагал, что его опыт автомеханика на советском авторемонтном предприятии должен представлять некоторую ценность. После его побега Вогт дал ему немного денег, чтобы купить одежду, и когда Вилли искал гигантский магазин одежды «KaDeWe» на главной улице Западного Берлина, Курфюрстендамм, он прошел мимо здания представительства автомобильного концерна «Daimler-Benz». Он вспомнил, как остановился и восхищался выставленными там моделями «Мерседесов». Почему бы не стремиться к вершине?

Он вошел в представительство. Безупречно одетый человек с презрительным видом следил за Вилли.

- Вы интересуетесь нашими автомобилями?

- Я интересуюсь поиском работы как автомеханик.

Вызвали и представили главного механика. Вилли повторил свой вопрос, добавив, что у него были годы опыта работы и механиком, и бригадиром механиков.

- И где это было?

- Ремонтировал советские танки и грузовики.

Начальник принялся смеяться.

- Наши изделия – сложные автомобили, не какие-то грубые машины. Так что я не думаю, что у вас есть надлежащие навыки для работы.

- Ну, я готов учиться, – ответил Вилли. – Я буду работать учеником бесплатно в течение двух недель, а затем вы можете или нанять меня или уволить. Это вам ничего не будет стоить.

Его упорство и честная манера произвели впечатление.

- Хорошо. Мы будем обучать вас в течение двух недель. Когда вы можете начать?

- Завтра.

Десять дней спустя Вилли был принят на работу на постоянной основе.

Глава двенадцатая

Сразу после того как Эрвин Цэске решился сделать свой ход, Штази очень долго и очень детально допрашивала его. Он выдал личность не только Вилли, но также и всех других агентов и возможных агентов, которых он знал за эти годы. Конечно, главный интерес для восточногерманской спецслужбы представляла американская разведка, ее оперативные методы, местоположение и персонал. Цэске стал довольно известен внутри Штази; в конце концов, его фотография появилась на первой полосе газет, и его история, которая разоблачала шпионские действия Запада из Берлина, получила широкую известность.

После измены жизнь Цэске изменилась из жизни в сумраке до жизни полузнаменитости. Его просили рассказывать о своем опыте и читать лекции в учебных центрах Штази о своем знании американской разведки и методах ее работы. Он был убедительным оратором, который производил превосходное впечатление и потому пользовался популярностью среди сотрудников центрального штата и

преподавательского состава, так же как среди отдельных представителей восточногерманской разведывательной службы, многие из которых были женщинами. Новообретенная популярность Цэске, объединенная с его солидной внешностью, дала ему многочисленные возможности для сексуальных связей с разными женщинами, которые считали его привлекательным и интересным. Эрвин Цэске пользовался этими возможностями настолько часто, насколько это было возможно.

В то время как жизнь Эрвина, казалось, изменилась к лучшему и, конечно, ласкала его эго, жизнь его жены Хельги и их сына Лутца радикально изменилась в худшую сторону. Они теперь жили в сером, плохо построенном многоквартирном доме, насчитывавшем пятьдесят квартир на пяти этажах без лифта. В их бывшем месте жительства под Швайнфуртом Хельга могла за двадцать минут доехать на автобусе до центра города Швайнфурта, чтобы делать покупки, и все виды товаров были там легкодоступны. Теперь в Восточном Берлине ее выбор был строго ограничен, и многие продукты были в дефиците. В Западной Германии они занимали первый этаж дома на две семьи с двориком и большим пространством. И хотя ее муж называл эту деревню словом «kaff», она чувствовала себя намного более комфортно в Западной Германии, чем в Восточном Берлине.

Соседи не испытывали к ней никакой симпатии. Публичная известность ее мужа поставила в центр внимания не только его самого, но и ее и Лутца. Было общеизвестно, что в каждом жилом доме был, по крайней мере, один осведомитель, или «Spitzel», как их называли, который шпионил за соседями и сообщал полиции о любых подозрительных действиях, и соседи подозревали ее в том, что она и есть такой осведомитель. Вследствие этого Хельгу фактически избегали.

Их переезд в Восточный Берлин также означал радикальные перемены для девятилетнего Лутца. Он учился в начальной школе в Швайнфурте и был достаточно хорошим учеником, но его отец всегда заставлял его добиваться большего успеха и наказывал его, когда у него что-то не получалось. Однажды Эрвин ударил Лутца так сильно, что у того из носа пошла кровь, но он никогда не просил прощения, и со временем мальчик стал не только бояться, но и ненавидеть своего отца.

Лутц не понимал причин, почему они так внезапно переехали из Западной Германии в Восточный Берлин, но было ясно, что то, что, возможно, было хорошо для его отца, не было столь же хорошо для его матери или его самого. Он пошел в школу, но не мог продолжить учебы с того же места, на котором закончил в Швайнфурте. Учебный план здесь был совсем другим, и он приехал в то вре-

мя, когда других школьников проверяли по предметам, которые ему вообще никогда не преподавали. Лутц провалился по нескольким предметам. Его отец, разъяренный, кричал на него и сильно его избил, и Хельга, хотя она и пыталась, не смогла остановить его. Система потребовала, чтобы Лутц вступил в молодежный коммунистический союз (вероятно, автор имеет в виду «пионеро-вельмановцев», для Союза свободной немецкой молодежи Лутц был еще слишком мал – прим. перев.), где он должен был участвовать в дискуссиях о пороках Запада, что, как он знал по собственному опыту, было просто неправдой. Когда он высказал свои мысли, его высмеяли и сказали, что ему нужно изменить свою позицию, пока он не попал в беду. Ему также сказали, что если он когда-либо услышит, что кто-то высказывался против восточногерманского государства, то он обязан донести на этого человека, даже если это кто-то из его родителей, родственников или соседей. С этой отвратительной идеей его одноклассники, казалось, были согласны.

Из-за ухода ее мужа на Восток и публичности, последовавшей за этой изменой, Хельга боялась ехать в Западный Берлин, чтобы посетить свою мать, из страха того, что ее там узнают и арестуют, чтобы использовать в качестве рычага воздействия на ее мужа. Она знала, конечно, о связях Эрвина с американской разведкой; она видела и встречала некоторых американских агентов, которые приходили в ее дом, но она никогда не принимала участие в каких-то дискуссиях и не расспрашивала своего мужа о делах, в которые он был вовлечен.

Эрвин переместился из сумрака к известности и восхищению в кругу Штази, но не среди населения в целом. Он много путешествовал, проводя время далеко от дома, и Хельга начала подозревать, что у него во время своего отсутствия были любовные интрижки. Ее несчастье усиливалось с каждым днем. Хотя она обещала быть лояльной своему мужу, она понимала, что больше уже не могла терпеть. Однажды ночью он пришел домой совершенно пьяный и начал кричать на нее, называя ее плохой матерью и бесполезной женой. Она обвинила его в том, что он изменяет ей с другими женщинами.

- Да, – сказал он, – и тебе придется к этому привыкнуть!

Это его бессердечное признание вынудило Хельгу пересмотреть свою лояльность Эрвину. Она решила бросить его и найти убежище у своей матери в Западном Берлине. Несколько дней спустя, когда Эрвин сообщил ей, что уезжает на три дня, она увидела шанс для себя. Она сказала Лутцу, что они на несколько дней поедут в гости к его бабушке в Западном Берлине. Она упаковала самую нужную одежду для них обоих и ждала, пока не стемнело, потому что не хотела, чтобы ее заметили или узнали. Они пошли к ближайшей станции метро

и сели на поезд от станции Фридрихштрассе до Западного Берлина и дома ее матери.

Матери Хельги, фрау Тиль, принадлежала просторная квартира в центральной части города. Ее муж был ювелиром, и когда он умер, он оставил ее богатой. Она была полуинвалидом, нуждавшейся в поддержке при ходьбе. Когда Хельга и Лутц появились у ее двери, она не удивилась.

- Я ждала, что это случится. Входите и располагайтесь.

Затем Хельга излила душу, с дрожью рассказывая о том, что происходит с Эрвином.

- Отдохните пока, – сказала фрау Тиль. – Завтра мы подумаем, что можно сделать.

Фрау Тиль показала ей и Лутцу их комнаты для сна, и стоило лишь Хельге закрыть глаза, как она, наконец, почувствовала некоторое спокойствие. Она знала, что должна будет когда-то объяснить свое присутствие полиции Западного Берлина, но этого она не боялась. Хотя у нее все еще были свои западногерманские документы, ей нужно было зарегистрироваться у местных властей, если она хотела работать.

Лежа в кровати, она думала о событиях, которые привели ее к нынешней ситуации. До того, как она встретила Эрвина, она училась в Берлинском университете с целью получения степени в области изящных искусств, и профессионально занималась театром. Она была лучшей ученицей в своей гимназии и продолжала хорошо учиться в университете. Она была симпатична, образована и обладала большим чувством юмора. Потом она встретила Эрвина. Он был на десять лет старше ее, красивый, остроумный и умный, и между ними возникло взаимное влечение. Когда она забеременела, они вступили в брак, который немедленно прекратил ее образовательные усилия. Эрвин занимался какими-то сделками, природу которых она никогда не понимала, и он с ней никогда об этом не говорил. Однако он зарабатывал хорошие деньги и мог содержать ее и ребенка.

Но потом она узнала, что Эрвин был арестован полицией Западного Берлина за рэкет и воровство; оказалось, что его «торговля» состояла из скупки и продажи краденых вещей на черном рынке. Многие из этих товаров контрабандно ввозились в Западный Берлин с Востока сетью воров, которые передавали их Эрвину. Затем он продавал контрабанду со значительной прибылью.

Эрвин был признан виновным и приговорен к двум годам тюрьмы, так что Хельга и ее маленький ребенок переехали в квартиру ее матери. Ее мать заботилась о Лутце в течение дня, пока Хельга работала продавцом в престижном универсаме. После того как Эрвин был освобожден из тюрьмы, он должен был найти работу. Законных вакансий для бывшего осужденного уголовника было мало, но он знал, что, если он вернется к своим бывшим делишкам и будет пойман, наказание во второй раз было бы намного более серьезным. Его отношения с Хельгой начали ухудшаться, тем более что ее мать явно давала понять, что она презирала его за то, что он разрушил жизнь ее дочери.

Однажды Эрвин пришел домой, излучая радость: некий американец вступил в контакт с ним и предложил ему возможную работу. Потребовалось бы немного времени, чтобы узнать все наверняка, но если бы это удалось, то он зарабатывал бы приличное жалование. Хельга хотела узнать, что это за работа, но Эрвин только улыбнулся.

- Мне не разрешают говорить об этом. Ты узнаешь, когда придет время, но это законно.

Хельге пришлось довольствоваться этим.

Спустя пару недель Эрвин сказал ей, что некий американец, господин Брайт, хочет принять его на работу, но при условии, что они переедут из Берлина в Западную Германию. Это расстроило Хельгу, поскольку она не хотела оставлять свою мать, здоровье которой начало ухудшаться, и кроме того, она и сама была коренной берлинкой. Даже при том, что в городе все еще были видны разрушительные последствия войны, появлялись и положительные признаки восстановления. С другой стороны, отношения между ее матерью и Эрвином достигли уже такой стадии, когда, вероятно, лучше для всех было бы, чтобы они оказались на некотором расстоянии друг от друга. Переселение в Западную Германию, конечно, решило бы эту проблему, поэтому Хельга согласилась на переезд.

В 1955 году они переехали из Западного Берлина в Нидерверн, небольшую деревню в Западной Германии около Швайнфурта. Здание, недавно построенное, выглядело хорошо; однако улица, ведущая к нему, не была мощеной и превращалась в грязь, когда шел дождь. Их квартира на первом этаже была арендована американцами. Это было существенное изменение в сравнении с жизнью в Берлине, но Хельга думала, что сможет привыкнуть к этому. Эрвин не был особо рад их новому местоположению, но его работа приводила его в Берлин один или два раза в месяц. Как только Хельга обосновалась в деревне, она нашла поблизости автобусную остановку, с которой за несколько минут можно было

доехать до Швайнфурта. Она записала Лутца в детский сад, и в целом дела, казалось, обстояли для семьи достаточно хорошо. Она знала, что Эрвин занимался какой-то разведывательной деятельностью, но не знала никаких подробностей. Несколько раз в месяц к их дому подъезжал какой-то американец в автомобиле немецкого производства с немецкими номерными знаками. Она встречала посетителей на короткое время, предлагала кофе, и затем уходила на кухню, пока ее муж и посетитель обсуждали свои дела.

Спустя четыре года после переезда Эрвин стал чрезвычайно возбужденным и начал пить запоем, но он не давал Хельге никаких объяснений, только говорил, что он хотел бы уехать из этой деревни. Но однажды позднее он без предупреждения приказал Хельге упаковывать вещи; они возвращались в Берлин. Это стало шоком для нее, но никаких споров быть не могло. Они продали свою мебель, и она, Эрвин и Лутц поехали поездом во Франкфурт и затем в Берлин. По их прибытию на главный вокзал их встретили двое мужчин, которые посадили их в автомобиль и отвезли в советский сектор; Хельгу и Лутца провели в меблированную квартиру, в то время как Эрвин исчез с этими двумя мужчинами. Она больше не видела его в течение трех дней. Так как, казалось, между Эрвином и этими двумя мужчинами были дружественные отношения, она предполагала, что ему не угрожала опасность. Она подозревала, что это так или иначе было связано с американцами, с которыми он работал. Но вскоре характер его деловых отношений был обнаружен в газетах.

После прерывистого сна ночью, перемежавшегося воспоминаниями о том, как она дошла до этого момента в своей жизни, она следующим утром села со своей матерью, чтобы обсудить будущее. Ее мать хотела, чтобы она осталась с нею надолго; и Хельга и Лутц были бы большой поддержкой для нее. Хельга начала размышлять о том, как это можно было бы сделать. Лутца нужно было записать в школу, и Хельга планировала исследовать возможности получения работы. Возможно, она могла бы снова получить свою прежнюю работу.

Когда Эрвин возвратился из своей поездки после чтения лекций в одном из учебных центров Штази, он вошел в свою квартиру и увидел, что Хельга и Лутц отсутствуют. Не было никакой записки, и его первой мыслью было, что они вышли за покупками или занимались чем-то неподалеку. Но потом он увидел, что чемоданы Хельги исчезли, как и одежда ее и Лутца. Он понял, что они бросили его, и единственным местом, куда они могли бы пойти, была квартира ее матери. Он начал паниковать, но вскоре его охватил холодный гнев. Как она могла так поступить с ним? Да, конечно, он изменял ей, но другие женщины для него ничего не значили. То, что жена бросила его, было ударом по его гордости и самолюбию. Он должен был вернуть ее любой ценой. Еще важнее было то, что

она слишком много знала о том, что он делал; если бы она сообщила об этом полиции Западного Берлина, то они, конечно, отослали бы ее к американской военной контрразведке (СIC), а это подвергло бы опасности его работу в Штази. Он стал вполне оперившимся членом Штази и получил звание сержанта, что гарантировало ему устойчивый доход. Все испарилось бы, если бы только Хельга заговорила. Рассмотрев все варианты, он решил позвонить ей и попросить ее вернуться. Он не знал номер телефона своей тещи, но его было легко получить. Он вернулся в свое бюро и позвонил оттуда. Фрау Тиль ответила, но повесила трубку, как только узнала его голос.

Он набрал снова. – Не вешайте трубку, это важно.

На другом конце не было никакого ответа.

Он звонил снова и снова, слыша только короткие гудки. Наконец, он понял, что связь по телефону тут не сработает. Он должен поехать туда лично. Но он знал, что стоит лишь ему приехать в Западный Берлин, как он тут же будет опознан и арестован. Его фотографии, появившиеся на первых полосах восточногерманских газет, были также перепечатаны газетами Западного Берлина. Его известность в Восточной Германии могла оказаться для него роковой на Западе.

Должен был быть другой путь, но он все еще понимал необходимость совершить эту поездку лично. Он знал, что у Штази был отдел, который занимался изменением внешности людей. Можно ли было «замаскировать» его так, чтобы он незамеченным мог приехать в Западный Берлин? Одной вещью, которую никак нельзя было изменить, конечно, была недостающая рука, но он пытался найти этому логическое объяснение: на войне много других людей получили такие ранения, это могло даже привлечь к нему некоторое сочувствие, не выдавая его.

Он пошел в отдел, который занимался изменением внешности и представился. Заявив, будто его отправляют на специальное задание, для выполнения которого он должен стать неузнаваемым, он давил на них, чтобы они все сделали быстро. Что они могли сделать, чтобы помочь? Несколько часов спустя он изучал свое отражение в зеркале и не узнавал себя; его седые волосы были окрашены в темный цвет, и частичный парик изменил линию его волос. У него теперь были усы. Туфли со вставками в подошвах увеличили его рост и изменили его походку. Ему дали пару очков с массивными тонированными линзами, простое стекло, которое не мешало его зрению. Затем были сделаны фотографии и вклеены в поддельное удостоверение личности. Он был готов. Осталась лишь

одна последняя вещь: он держал дома пистолет, Walther PPK, который он зарядил и положил в карман пиджака.

Следующим утром он отправился в Западный Берлин. Никто не остановил его. Он хорошо знал местоположение квартиры матери Хельги, потому что жил там прежде. Он достиг здания, поднялся по лестнице к квартире и позвонил в дверь. Фрау Тиль открыла дверь. Она не узнала человека, стоящего перед ней.

- Что вам угодно?

- Я хочу поговорить с моей женой.

Фрау Тиль попыталась было закрыть дверь, но Эрвин пробился в квартиру. Хельга и Лутц сидели в гостиной. Они уставились на него, сначала не узнавая его, но его голос и пустой рукав выдали его.

- Убирайся отсюда, или я вызову полицию!

- Ты этого не сделаешь. Успокойся и сядь.

Фрау Тиль устремилась к телефону и попыталась схватить его. Эрвин вынул пистолет из кармана и навел его на нее.

- Ты действительно сошел с ума? – закричала Хельга.

Лутц, испугавшись, начал плакать.

- Выйди и оставайся за дверью! – приказал Эрвин.

Мальчик быстро ушел.

Две напуганных женщины держались друг за друга.

- Хельга, я хочу, чтобы ты вернулась ко мне.

Хельга покачала головой.

- Я заставлю тебя вернуться! – сказал он, размахивая пистолетом.

Фрау Тиль встала перед своей дочерью.

- Тебе придется сначала застрелить меня!

Эрвин понял, что ему нужно уменьшить напряженность в комнате, и он опустил пистолет.

- Давайте все успокоимся. Сядьте и дайте мне сказать, почему я хочу, чтобы ты вернулась ко мне.

Он повернулся к фрау Тиль. – У вас есть кофе?

Лутц не ждал снаружи квартиры, как ему приказали. Вместо этого он выбежал на улицу и искал полицейского, но не мог увидеть ни одного. Он побежал с такой скоростью, как только мог, к Курфюрстендамм, и разыскал полицейского, регулировавшего уличное движение. Бросаясь между автомобилями, он дошел до регулировщика, который выглядел пораженным и начал ругать Лутца. Слезы бежали по лицу мальчика.

- У меня есть важная информация, – сказал он. – Я должен прямо сейчас поговорить с полицией.

Полицейский показал куда идти. – Один квартал прямо и один налево – там участок.

Он остановил движение, пока Лутц бежал к тротуару и поспешил по улице к участку. Заплаканный и запыхавшийся, он вбежал внутрь.

- Что случилось? – спросил дежурный.

- Я должен сообщить что-то очень важное.

Дежурный поднял взгляд со скучающим выражением, пока не увидел явное отчаяние на лице мальчика.

- Так что случилось, сынок?

- Мой отец, Эрвин Цэске, пришел сюда, на квартиру моей бабушки!

Полицейский покачал головой. – Так, ну и что?

- У него пистолет, и он наводит его на мою маму и бабушку!

Это привлекло внимание полицейского. Он поднял телефон, набрал номер и произнес несколько слов. Затем он повернулся к Лутцу.

- Где они живут?

Лутц не знал точный адрес. – Я покажу вам!

Полицейский кивнул. – Подожди!

Через несколько минут трое мужчин в штатской одежде появились в участке. Лутц повторил им свою историю.

- Иди с нами и покажи нам, где ты живешь, – сказал один из них.

Лутц последовал за ними на улицу и сел с ними в неприметный седан. Он занял место рядом с водителем. Они рванули с места, а Лутц показывал дорогу.

Подъехав к дому, они остановились, и все выскочили из машины.

- Ты можешь пойти перед нами и сделать так, чтобы кто-то открыл дверь?

Лутц кивнул, и они поднялись по лестнице к квартире его бабушки. Вместо того чтобы позвонить в звонок, Лутц с большой силой постучал в дверь, пока эти трое полицейских стояли сбоку, с оружием в руках. Дверь немного приоткрылась. Это был его отец.

- Я же сказал, чтобы ты ждал на улице, – сказал Эрвин сердито. Тогда он увидел отчаяние мальчика. – В чем дело?

- Мне очень нужно в туалет.

Эрвин открыл дверь. Один из полицейских отодвинул Лутца и схватил Эрвина, прижав его руку к боку, в то время как второй вытащил пистолет из кармана Эрвина. Третий полицейский ворвался в гостиную, где он увидел двух пораженных женщин, все еще прижимавшихся друг к другу.

Полицейские предъявили свои документы, и Хельга и ее мать немного успокоились. Лутц, рыдая, вошел в комнату и обнял Хельгу, которая успокаивала его.

- Ты правильно сделал, Лутц.

Двое мужчин вывели Эрвина на улицу и передали его двум полицейским в форме, которые только что приехали на полицейском фургоне. Затем они присоединились к своему коллеге, который начал расспрашивать Хельгу и ее мать о действиях Эрвина и его угрозах. Полицейские понимали, что женщины были в

состоянии шока, но сказали им, что им необходимо записать их историю прямо сейчас, пока события все еще были свежи в их памяти. Женщины сотрудничали очень активно, и Лутц описал свою роль. Когда он закончил, слезы бежали по его лицу.

- Я предал своего собственного отца.

Хельга взяла его за руку.

- Я думаю, что ты, возможно, спас наши жизни.

Эрвин до суда был помещен в тюрьму в Шпандау в Западном Берлине. Его обвиняли в незаконном владении и использовании огнестрельного оружия и в попытке похищения.

Обвинения в шпионаже прозвучали позже.

Пока Эрвин ожидал суда, опытные офицеры СИС из Берлинского офиса и один офицер из западногерманской службы контрразведки начали допрашивать его относительно его связей со Штази. Эрвин сначала отказывался сотрудничать, но постепенно передумал, решив, что он мог бы занять выгодную позицию для возможной сделки с властями, если будет играть честно. Он знал, что, если и когда он будет выпущен из тюрьмы, он не сможет вернуться на Восток. Раскрыл ли он информацию или нет, Штази все равно будет считать, что он выдал все, что знал, и будет обращаться с ним соответственно. Выйдя из тюрьмы, он не мог также оставаться в Западном Берлине. Бывшие коллеги нашли бы его, и похитили и вывезли назад в Восточный Берлин или, в худшем случае, даже убили.

Он также должен был учитывать и тех, кого он предал – они, конечно, захотели бы свести счеты с ним. Так, разве безопасно провести долгое время в тюрьме не было бы лучшей альтернативой для него? В конце концов, он решил полностью сотрудничать со своими следователями. Возможно, они могли бы помочь ему, как только он был выпущен из тюрьмы, чтобы перевезти его в Западную Германию, например, в какую-то маленькую деревню в Шварцвальде, с документами на другое имя. Когда он упомянул об этом в самом начале, его следователи не сделали никаких комментариев, но при этом не стали и высмеивать эту идею.

- Давайте сначала посмотрим, что именно вы сможете рассказать нам, – сказали они.

Так Эрвин Цэске начал говорить. Его допрос принес много информации, хотя и не вся она была новой. В конечном счете, были и другие перебежчики из Штази, которые сбежали на Запад.

Один высокопоставленный офицер американской контрразведки СИС связался с Вогтом и спросил, интересно ли ему поговорить с Цэске. Он и оба других уже получили от Цэске то, что они от него хотели, но, конечно, должны быть и такие вещи, которые Вогт сам хотел бы знать. Вогт энергично согласился, поскольку действительно были такие вопросы, ответы на которые ему очень хотелось получить.

Эрвин был поражен, увидев Вогта, когда тот вошел в комнату для допросов. Прошел уже почти год, с тех пор как Вогт в последний раз видел Цэске, который изменился: его волосы стали более седыми, и он похудел. Когда Вогт начал говорить, Цэске отказался смотреть на него и не отвечал. Вогт пытался оставаться сдержанным, потому что он должен был получить ответы на вопросы, беспокоившие его. Атмосфера была ледяной.

- Цэске, когда вы предали нас?

Он, наконец, посмотрел на Вогта и покачал головой с недоверием.

- Я почти сказал вам об этом год назад, но тогда вы уволили меня.

Для Вогта это было больше подтверждением, чем сюрпризом. Как только Цэске начал говорить, его речь потекла потоком.

- В одной из моих поездок в Берлин, когда я все еще занимался сбором мусора, я встретил в баре одного человека и подумал, что он мог бы стать кандидатом на вербовку. Я прозондировал его, и мне показалось, что он согласится. Я наметил вторую встречу с ним в течение следующего дня. Мы встретились, и я выложил то, что я хотел, чтобы он сделал. Мы договорились об условиях оплаты, о процедуре и всем остальном, что я делал прежде уже очень много раз.

- Когда мы вышли на улицу, меня схватили двое мужчин. Они бросили меня в ожидавший на улице седан, который на полной скорости помчался через границу в Восточный Берлин. Когда автомобиль остановился, меня вытащили и привели в какой-то дом, в комнату без окон и только с одной тусклой лампой. Те же самые двое, которые похитили меня, начали кричать на меня, называя меня американским лакеем, и угрожали избить меня, если я не буду отвечать на их вопросы. Они хотели знать, что я делал для вас и других американцев. Что мне

было делать? Они хотели знать все о моих американских контактах, местоположениях, требованиях, и о том, как именно мы действовали. Я отвечал на их вопросы правдиво, и тогда еще два человека вошли в комнату. Я боялся, что меня подвергнут новым допросам и угрозам, но они вели себя совсем иначе: они предложили мне еду и напитки, были очень дружелюбны, а потом обратились ко мне с предложением, чтобы я работал на них, продолжая работать на вас.

Мне сказали, что, если я соглашусь и буду предоставлять им информацию, которую они хотели, то они предложат мне когда-то в будущем надежное убежище в ГДР, но это будет зависеть от ценности моей информации. Я согласился. Они дали мне номер телефона, чтобы связываться с ними во время моих будущих встреч в Берлине. Они не особо интересовались сбором мусора. Они хотели большего, и моим делом было предоставлять им более ценную информацию. Я же почти сказал вам об этом в тот день, когда я был таким пьяным. Но тогда вы уволили меня. Теперь у меня не было ничего, никакой работы и ничего, чтобы предложить Штази. Но странным образом вы снова наняли меня, что стало для меня огромным вмешательством судьбы. Вы предоставили мне новое, намного более важное положение, и если бы все получилось, то мне, наконец, удалось бы заключить сделку со Штази. Это удалось отлично.

Он впился взглядом в Вогта, с холодным вызовом в глазах.

- А что же насчет детектора лжи, Эрвин? Как вы обманули его?

Цэске сделал презрительный жест.

- Вы, американцы, так наивны. Вы полагаетесь на технику вместо своих инстинктов. Мой «куратор» в Штази сказал мне, что, если мне придется когда-либо пройти проверку на полиграфе, мне не нужно этого бояться; что я мог бы легко победить его, потому что детектор лжи работает только тогда, если кто-то его боится. Я поверил ему, и как вы знаете, я смог пройти проверку без труда. Вы должны знать, Хуго, что когда вы и я встречались в Берлине, за нами следили. Я сообщал Штази, когда и где мы, как намечалось, встретимся, и у них был там кто-то, кто следил за нами. Вы, наверное, американский шпион, которого фотографировали больше, чем кого-либо другого когда-либо!

Он презрительно улыбнулся.

Вогт не поддался на уловку.

- Когда вы решили покинуть Нидерверн?

- Произошло два события. Как вы знаете, я идентифицировал Юргена и Вилли как потенциальных агентов для вас. Я не упомянул об этом Штази в то время, потому что я хотел убедиться, что вы действительно намеревались завербовать их, и что они согласились. Затем, когда вы мне сказали, что Юрген уехал на Запад, я был расстроен, потому что мне нужно было что-то важное, чтобы дать это Штази. Если бы Вилли также сбежал, то у меня не было бы ничего, чтобы предложить им. Я должен был действовать быстро, и именно поэтому я уехал, когда я сделал это. В то время я не знал, что восточные немцы планировали превратить этот случай в большое пропагандистское событие. Они использовали меня в качестве доказательства, чтобы продемонстрировать, что Западный Берлин был ничем иным, как шпионским гнездом для Запада.

Вогт кивнул.

- И вот, Эрвин, вы снова в тюрьме.

- Преданный моим собственным сыном.

- Если бы вы были отцом для него вместо того, чтобы использовать его в качестве боксерской груши, возможно, этого не случилось бы.

Вогт просто больше не хотел видеть Цэске.

- Лучшее, на что вы теперь можете надеяться, – что они подольше продержат вас в тюрьме. Если вы выйдете и будете ходить по улицам, то ваши бывшие коллеги в Штази будут искать вас, наряду с некоторыми другими, которых вы предали. Между прочим, ваша главная жертва, Вилли, может быть одним из них. Он свободен и на Западе.

Цэске пристально посмотрел на него, но ничего не сказал. Беседа была окончена.

Глава тринадцатая

Ханнелоре была подавлена своим арестом. Потеря детей, мужа и дома казалась ей дурным сном, от которого она никак не могла проснуться. За одну ночь ее мир был перевернут вверх дном. У нее было удобное существование; ее дом, хоть и маленький, соответствовал ее требованиям, и у ее мужа была хорошая работа, по крайней мере, по восточногерманским стандартам.

Теперь она была признана виновной в преступлениях против государства, и ее репутация уничтожена навсегда. Она не считала себя преступницей, но в глазах всех остальных она была таковой. Судебный процесс, на котором присутствовал ее муж, походил на кошмар. В то время она чувствовала, что ее единственной возможной защитой было обвинить Вилли в том, что это он вынудил ее участвовать с ним в своей шпионской игре. Но Вилли, с другой стороны, полностью отрицал, что знал ее и даже не узнавал ее на суде. Она думала, что он разыгрывал сцену, чтобы одурачить власти, но разве их можно было так легко одурачить? Возможно, у них были доказательства, что он действительно был душевнобольным? Он хотел казаться сумасшедшим, и он действительно выглядел и вел себя как сумасшедший. Ханнелоре не была уверена, действительно ли она знала этого человека.

Тюрьма для нее была теперь окончательно решенной судьбой, и трехлетний срок не был необычным или чрезмерным при таких обстоятельствах. Это наказание должно было отнять у нее большой кусок ее жизни и оставляло Лену и Петру без матери. Ей повезло, что ее сестра Луиза жила поблизости и, как только она услышала об аресте Ханнелоре, то немедленно забрала детей в свой дом и взяла на себя заботу о них. Эта договоренность, казалось, удовлетворила государство и спасла детей от отправки в приют.

После приговора Ханнелоре отправили в тюрьму со средним режимом безопасности, что означало, что среди заключенных этой тюрьмы не было убийц или каких-то других ужасных преступников. Многие в этой тюрьме сидели за антиправительственные действия. Двое из женщин, с которыми Ханнелоре со временем подружилась, были студентками Йенского университета. Их преступление состояло в том, что они подписали петицию, адресованную Вальтеру Ульбрихту, главе восточногерманского государства, с просьбой о свободных выборах. И были другие, тоже арестованные за преступления, которые в почти всех современных странах считались бы инакомыслием, а не преступной деятельностью.

Женщины не были ограничены отдельными камерами; они жили в общей спальне, которая содержала приблизительно двадцать женщин. Днем они были обязаны выполнять различные работы. Ханнелоре стала швеей и шила флаги и униформу для восточногерманской полиции и вооруженных сил. От нее, как и от всех других, требовали несколько раз в неделю посещать лекции, воспевавшие восточногерманское государство и коммунистическую систему. Решив извлечь хоть какую-то пользу из своих печальных обстоятельств, она не только делала свою обязательную работу, но также и добровольно вызывалась для дополнительных задач, таких как чистка подкладных суден в небольшой больни-

це. Она надеялась, что, возможно, с учетом ее хорошего поведения ее смогут выпустить досрочно.

Ханнелоре похудела. Если раньше она выглядела несколько полноватой, то сейчас казалась худой. Арест, поведение Вилли, и ее судебный процесс сильно отразились на ней. Прежде веселая и оптимистичная, теперь она стала озабоченной; с трудом засыпала, и когда ей действительно удавалось уснуть, ее мучили кошмары, в которых Вилли представлял как монстр. Даже во время бодрствования ей было трудно избавиться от этого чувства.

Когда сестра навестила Ханнелоре, ее сопроводили в комнату для посетителей, где находились маленький стол и стулья. Охранник, читающий журнал, сидел на стуле на противоположной стороне комнаты. Когда Луиза вошла в комнату, она выглядела странно счастливой; Ханнелоре не могла этого понять, потому что обстоятельства едва ли были радостными. Она сразу же спросила Луизу, как поживают ее девочки. У Луизы на лице была большая улыбка.

- С девочками все хорошо, – сказала она. – Возможно, я приведу их в следующий раз.

- Пожалуйста, не надо, – сказала Ханнелоре. – Я не хочу, чтобы они видели меня в моей тюремной одежде и в этой ситуации.

Луиза продолжала улыбаться и затем очень тихо сказала: – Хайнц связался со мной из Западного Берлина и попросил, чтобы я приехала к нему. Я согласилась. Я в прошлое воскресенье поехала к нему с девочками. Когда мы вошли в его квартиру, там был другой человек. Это был Вилли. Точно тот самый, каким я помнила его!

Ханнелоре чуть не упала в обморок от этой новости. Охранник посмотрел на нее с тревогой: – У вас все в порядке?

Ханнелоре быстро попыталась вернуть самообладание.

- Все хорошо.

Охранник вернулся к своему чтению.

Ханнелоре была возбуждена новостью о том, что Вилли удалось сбежать. Но каким могло быть их будущее? Ей все еще предстояло отсидеть большую часть своего трехлетнего срока, если только ей каким-то чудом не удастся выйти раньше. Дождется ли муж ее? Простит ли он ее за то, что она обвинила его во

время своего процесса? То, что он делал вид, что не узнает ее на суде, возможно, было умной идеей, но это, тем не менее, причинило ей боль. У него, возможно, появились отношения с другими женщинами, пока она была в тюрьме – как это повлияет на их отношения после ее освобождения? Такие мысли приходили ей в голову, а затем возникла еще одна: так как побег Вилли из заключения был, без сомнения, уже известен властям, повлияет ли этот факт на ее шансы на досрочное освобождение? Ее горячее желание состояло в том, чтобы в будущем они опять могли жить нормально как муж и жена, но прямо сейчас было слишком много неизвестных, над которыми она не имела никакой власти. Потому, она, наконец, решила, что для ее собственного самосохранения ей нужно официально разойтись с мужем. Она решила получить развод и начала процесс регистрации необходимых бумаг.

По причине ее образцового поведения, а также из-за постоянно растущего числа заключенных, Ханнелоре действительно была выпущена досрочно. Срок ее заключения был сокращен на девять месяцев, и дата ее освобождения была назначена на 1 августа 1961 года. Оставшееся до истечения ее трехлетнего срока заключения время она считалась условно освобожденной и должна была находиться под полицейским контролем. По Восточной Германии ходили упорные слухи, что Ульбрихт готовится принять какие-то решительные меры, чтобы остановить поток беженцев в Западный Берлин.

Ханнелоре тоже слышала об этом, но единственными заключенными, которых это могло бы затронуть, были те, кому, как ей самой, предстояло скорое освобождение. Когда Ханнелоре вышла из тюрьмы утром первого августа, ее приветствовали ее сестра и две ее дочери. Это было слезное воссоединение; Лена и Петра, конечно, узнали свою мать, но она выглядела настолько непохожей, а для Ханнелоре близнецы уже напоминали молодых совершеннолетних. За более чем два года, их внешность сильно изменилась.

Они все пошли в квартиру Луизы и там отпраздновали.

Луиза регулярно навещала Хайнца, где она также встречалась с Вилли. Во время каждого посещения он убеждал ее взять немного денег, не настолько много, чтобы вызвать подозрение, но достаточно, чтобы помочь Луизе с расходами на заботу о детях. Вилли был во время этих встреч в хорошем настроении. Он получил постоянную работу в представительстве «Daimler-Benz» в Западном Берлине, и ему даже предложили хорошую должность на заводе в Штутгарте. Вилли отказался, потому что хотел оставаться близко к своим девочкам и жене, как только она будет освобождена. Во время своих посещений Луиза передала Ханнелоре все это, что ослабило некоторые страхи Ханнелоре о будущем. К сча-

стью, ее намеченный развод не произошел из-за бюрократии различных вовлеченных правовых систем.

Выйдя из тюрьмы, Ханнелоре теперь должна была строить свои собственные планы на будущее. Вилли хотел, чтобы она с девочками уехала в Западный Берлин, как только они смогли бы совершить такую поездку безопасно. Ее предупредили, чтобы она не брала никакого большого багажа, дабы ее не заподозрили в побеге. Поскольку она была на испытательном сроке, то в случае разоблачения она попала бы назад в тюрьму и при намного худших условиях, чем прежде. Ей нужно было сделать так, чтобы ее поездка с девочками в Западный Берлин выглядела невинно, потому она решила, что, хотя было лето и тепло, они наденут темную одежду, и она повяжет на левую руку черную нарукавную повязку как признак траура. В качестве истории она придумала, будто бы ее шурин Хайнц в Западном Берлине умер, и она и девочки должны были посетить его похороны. Она заставила своих дочерей выучить эту же историю на тот случай, если их спросят.

После слезного расставания с Луизой они втроем уехали утром 12 августа. Из-за слухов о надвигающемся закрытии границы поток беженцев сильно увеличился. Отчаявшаяся восточногерманская полиция и пограничники пытались создать живые цепи, чтобы остановить массовое бегство, но с малым успехом. Автобус, на котором они поехали, был забит людьми. Когда они вышли из автобуса и вошли в подземную станцию метро, они увидели длинные очереди и полицейских, проверяющих документы и иногда обыскивающих багаж. Когда Ханнелоре и ее дочери достигли контрольного пункта, и их там начали расспрашивать относительно цели их путешествия в Западный Берлин, они ответили историей, которую они отрепетировали. После этого им разрешили войти на станцию, и оставшаяся часть поездки до дома Хайнца прошла благополучно.

Ханнелоре и девочки добрались до квартиры Хайнца ближе к вечеру. Они доехали из Айхвальде в Западный Берлин спокойно, даже при том, что возросшая полицейская активность и большое количество беженцев, пересекающих границу, явно свидетельствовали о том, что что-то должно было произойти.

Хайнц и Эльфриде радостно приветствовали их. Пока Эльфриде готовилась накрыть на стол, Хайнц позвонил Вилли на работу и сказал ему, что Ханнелоре и близнецы прибыли благополучно.

- Я сейчас буду! – был ответ Вилли.

Затем Хайнц позвонил в офис Вогта и передал ту же информацию, как его просили сделать. Пол Вогт годом ранее в порядке ротации вернулся в Штаты и теперь преподавал в Школе разведки; но Дон Уилкинсон все еще был в Германии и обещал прилететь в Берлин на следующий день.

- У Ханнелоре есть место, где остановиться? – спросил Уилкинсон.

- Мой брат предложил свою квартиру, но я не знаю, готовы ли они начать жить вместе. Но у меня действительно есть альтернатива. Мой сосед и его жена уехали в Бонн на две недели, и они просили, чтобы мы приглядывали за их квартирой. Если я попрошу их, я уверен, что они позволят Ханнелоре и девочкам пожить там в течение нескольких дней. Мы, конечно, заплатили бы им.

- Это походит на хороший план. Завтра я увижу вас.

Девочки завизжали и обняли своего отца в тот же момент, когда он вошел в квартиру. Ханнелоре смотрела с улыбкой. Они неоднократно видели его за прошедшие два года, когда Луиза приводила их с собой. Затем Вилли и Ханнелоре посмотрели друг на друга и обменялись рукопожатием. Он попытался обнять ее, но она не далась.

Оба почти в унисон спросили: «Как ты?».

Хайнц и Эльфриде заметили между ними дистанцию, которую нелегко будет преодолеть.

Хайнц действительно дозвонился до своих соседей в Бонне и спросил их разрешения использовать их квартиру для Ханнелоре и девочек. Он предложил оплату, но те не захотели брать деньги.

- Оставьте нам бутылку вина, – сказали они.

После того как они закончили обед, Хайнц проводил Ханнелоре и девочек в квартиру по соседству. У них был кошмарный, утомительный день, и они с нетерпением ждали отдыха мирной ночи. Вилли пожелал им доброй ночи и уехал. Он знал, что понадобится время, чтобы создать доверие в их отношениях, но он был решительно настроен добиться этого. Его жена, которую он все еще любил, но от которой публично отрекся, и счастье их детей были поставлены на карту.

В ту же ночь пограничники остановили все движение в Западный Берлин и начали натягивать колючую проволоку на пограничных переходах. 12 августа в Западный Берлин убежали более 2400 человек, среди них Ханнелоре и ее дети.

13 августа граница была постоянно перекрыта, и началось строительство Берлинской стены.

Дон Уилкинсон прибыл на следующий день, как раз в то время, когда весь город был взбудоражен, поскольку восточногерманская полиция расставила людей по периметру колючей проволоки вдоль границы, чтобы препятствовать ее пересечению. Полицейским было приказано стрелять в тех, кто рискнул бы пересечь границу. Толпы жителей Западного Берлина собрались, чтобы следить за происходящим, главным образом в тишине. Все ощущали, что они стали свидетелями исторического события, которое преобразует характер города и будущее его людей с обеих сторон этого ограждения и, возможно, навсегда.

Уилкинсон пришел в квартиру Хайнца, и его провели в квартиру соседей, чтобы он мог поговорить с Ханнелоре. В последний раз он видел ее больше двух лет назад, когда она и Вилли обучались в Швайнфурте. Он был взволнован, увидев изменения в ее внешности и поведении. Он попросил Хайнца и Эльфриде присмотреть за девочками, потому что он должен был отвезти Ханнелоре в другое место, чтобы поговорить с нею. Затем он отвез Ханнелоре на конспиративную квартиру, предоставленную берлинским офисом СИС. Там к ним присоединился один из местных агентов СИС. Ханнелоре интенсивно расспрашивали о ее аресте, суде и о пребывании в тюрьме, особенно интересуясь именами и должностями тех, кто ее допрашивал, и информацией, которую она давала им.

Опрос они вели мягко, учитывая те испытания, через которые прошла эта женщина. В конце дня Уилкинсон отвез ее на ее квартиру и сказал, что вернется на следующий день, чтобы заполнить некоторые важные документы.

Следующим утром Уилкинсон возвратился с чиновником из лагеря беженцев Мариенфельде, и пачкой бумаг для Ханнелоре, которые та должна была заполнить. Позже он сказал Ханнелоре, что он приедет еще раз на следующий день с ее западногерманскими документами, как и с C-Schein, который гарантировал ей преимущества при получении жилья и работы.

- У нас есть деньги, которые лежали на вашем счете условного депонирования. В то время, когда вы согласились работать на нас, мы договорились, что через два года мы выплатим вам определенную сумму и поможем с вашим переселением на Запад. Очевидно, мы не можем компенсировать ваше пребывание в тюрьме и все трудности, с которыми вы столкнулись, но здесь плата в сумме 10 000 немецких марок. Вы должны только подписать заявление об отказе от претензий.

Ханнелоре была более чем довольна таким предложением, и согласился подписать документы, освобождающие США от любых будущих требований. После того как все было закончено, Уилкинсон попрощался с ними и пожелал им всем удачи.

Ханнелоре теперь нужно было принять несколько важных решений. Она и девочки не могли оставаться в занятой ими временно квартире больше недели. Куда они могли бы пойти? У Вилли была квартира с двумя спальнями, и он хотел, чтобы они переехали к нему, но Ханнелоре не чувствовала, что она могла бы сразу же возобновить с ним отношения мужа и жены. Она могла попытаться найти место для временного проживания, но что потом? Она должна была думать о девочках, которым было уже девять лет, и их надо было записать в школу. Они недавно пережили серьезный разрыв и теперь нуждались в стабильности. Для Петры и Лены, однако, решение было простым: – Давай переедем к папе.

Вилли удалось взять на работе небольшой отпуск, чтобы воспользоваться им после освобождения Ханнелоре и ее приезда в Западный Берлин. Несколько следующих дней они долго гуляли и говорили о своем прошлом и о надеждах на будущее. Ханнелоре могла увидеть, что ум Вилли был совершенно нормален. Вилли сказал ей, что у него был превосходный доктор, который пристально наблюдал за ним, гарантируя надлежащее лечение от его головных болей. Вилли убедил ее, что то, что он отрицал, что она была его женой, и даже не узнавал ее, было поступком, совершенным исключительно для выживания. Вилли, со своей стороны, начал понимать, почему Ханнелоре взвалила всю вину за свою неудачу на него, поскольку это, вероятно, помогло ей получить мягкий приговор. В обоих случаях то, что они сделали, было сделано не с намерением причинить друг другу боль, а ради самосохранения. После нескольких дней они начали говорить друг с другом уже без того антагонизма, с которым они встретились впервые после долгой разлуки.

К концу недели Ханнелоре согласилась переехать в квартиру Вилли. Она не была готова разделить с ним постель, потому они договорились, что он будет спать в одной комнате, а Ханнелоре – в главной спальне с девочками.

Теперь, когда их семья снова была вместе и в безопасности, Вилли начал рассматривать переезд в Штутгарт; предложение «Daimler-Benz» было все еще в силе, и когда он заговорил об этом с Ханнелоре, ему не пришлось долго ее убеждать.

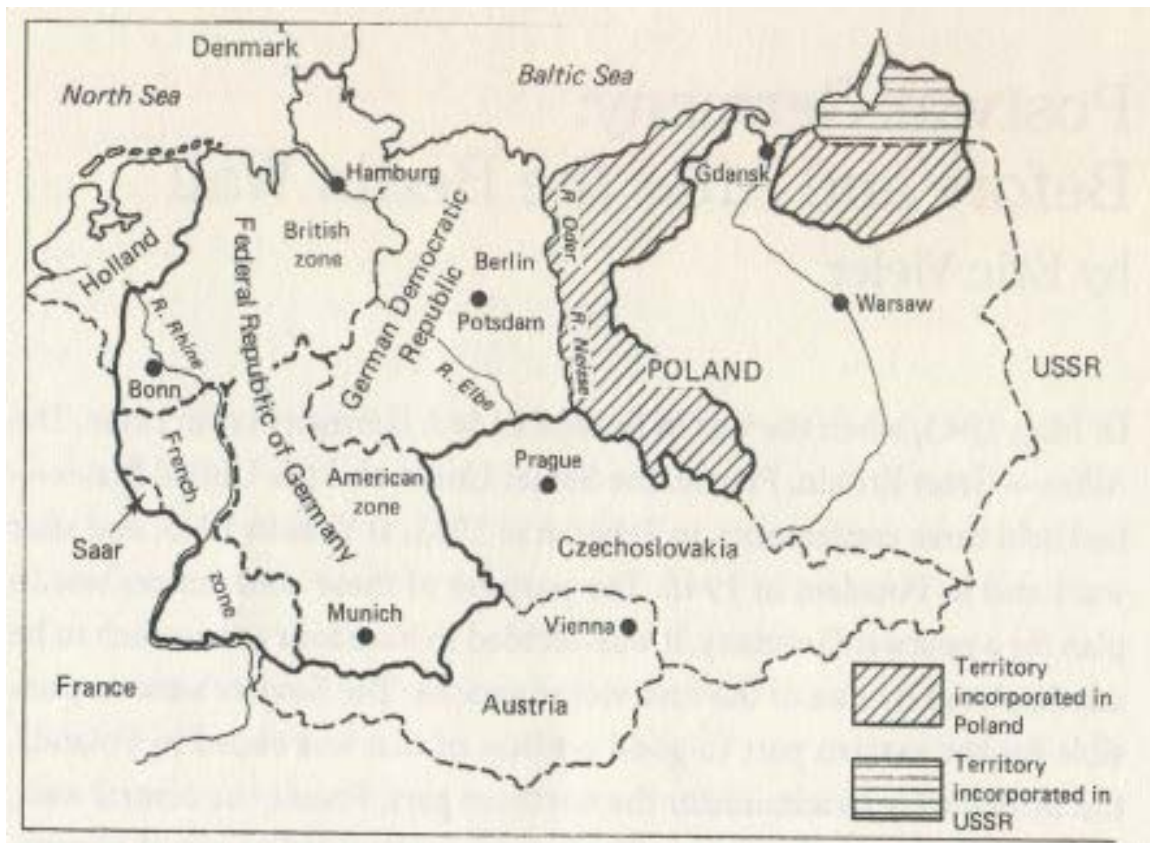
Она хотела уехать как можно дальше от Восточной Германии. Она не могла дожидаться возможности закончить эту главу своей жизни и начать новую жизнь со своим мужем и дочками где-то далеко от тени Железного занавеса.

Послевоенная Германия: до и после Берлинской стены

Автор Эрик Вилер

В мае 1945 года, когда война в Европе закончилась, Германия лежала в руинах. Союзники – Великобритания, Франция, Советский Союз и Соединенные Штаты – провели три конференции, в Тегеране в 1943 году, в Ялте в 1945 году и уже после окончания войны в Потсдаме в 1945 году. Целью этих конференций было спланировать будущее послевоенной Германии. Было решено создать четыре зоны, каждая из которых управлялась бы одной из четырех стран-победительниц. Советы были бы ответственны за восточную часть (большую ее территорию они уступили Польше), британцы должны были управлять северной частью, Франция – центральной частью на западе, а США – южной частью. Эти области называли зонами оккупации. Берлин, столица Германии, тоже был разделен на четыре административных сектора.

Союзники, строя свои планы, не были уверены относительно того, что должно было в будущем произойти с Германией, хотя они ожидали, что, в конечном счете, будет сформировано центральное правительство с единой валютой, управляющее новой Германией по демократическим принципам. Начали появляться политические партии. В трех западных зонах главными партиями были Христианско-демократический союз (CDU, ХДС), Социал-демократическая партия (SPD, СДПГ) и Свободно-демократическая партия (FDP, СвДП). Последняя была маленькой, но важной партией, потому что во время выборов она могла поддержать одну из двух главных партий, обеспечивая ей этим большинство. В советской зоне оккупации доминирующими стали Коммунистическая партия Германии (KPD, КПГ) и немецкие социал-демократы (SPD). В 1945 году Вальтер Ульбрихт, коммунист, который во времена национал-социализма находился в эмиграции в СССР, вернулся в Восточную Германию и взял в свои руки управление коммунистической партией, которая слилась с социалистами, чтобы стать Социалистической единой партией Германии (SED, СЕПГ). Эта партия основывалась на советской модели с сильным вождем на вершине, отсутствием свободных выборов и нетерпимостью к инакомыслию – в общем, на модели тоталитарного государства.

Между союзниками возникли политические разногласия относительно того, как осуществлять идентификацию, наказание и/или реабилитацию бывших нацистов. В советской зоне все большие аграрные владения и владения, принадлежавшие бывшим нацистам, были конфискованы, некоторые были перераспределены, а многие другие стали государственной собственностью, что, в конечном счете, привело к коллективизации всех пахотных земель за исключением небольших ферм.

Западные оккупационные власти заняли двойственную позицию относительно пути осуществления программы денацификации. Что должно было стать целью этой программы: наказание или перевоспитание? Отход от прежних карательных представлений произошел в 1947 году, когда был принят План Маршалла с целью восстановления послевоенной Европы, и Западная Германия стала получать помощь в соответствии с этим планом. Советы в своей зоне оккупации и не думали о реконструкции, но зато энергично занимались репарациями, забирая почти все машины, станки и другой материал, который можно было переместить, и отправляя все это в Советский Союз. В результате этого Восточная Германия оставалась бедной, тогда как Западная Германия начала демонстрировать признаки восстановления.

В 1947 году британская и американская зоны слились в так называемую Бизонию (буквально «двойная зона»), в то время как управляемая французами часть Германии оставалась независимой.

В следующем году Западная Германия под руководством западногерманского канцлера Конрада Аденауэра начала большую реформу, заменяя старую рейхсмарку, которая уже ничего не стоила, новой немецкой маркой (Deutsche Mark). (В послевоенный период большинство вещей покупались по бартеру, а не за наличные деньги: сигареты, кофе, шелковые чулки и драгоценности.) Советы в Восточной Германии не участвовали в этой реформе, вводя там свою собственную валюту. Вместе с Планом Маршалла, это представляло собой главный шаг в отделении Запада от советской зоны. Советы отреагировали, перекрыв союзникам все сухопутные пути в Берлин, чтобы вынудить союзников вообще уйти из Берлина, при этом моря население города голодом. В ответ союзники, главным образом США, доставляли в Берлин по воздуху еду, топливо и лекарства с 1948 до весны 1949, когда блокада была снята. Поддерживая два миллиона человек в Западном Берлине, американцы укрепили тесную связь с его населением.

Вот так и появилась разделенная Германия, которой суждено было оставаться разделенной еще сорок лет: тоталитарное государство на востоке, и демократическое на западе. Город Берлин был отклонением – три его сектора, которыми управляли западные союзники, отражали политическую систему (демократической) Западной Германии, тогда как советский сектор был таким же как (тоталитарная) Восточная Германия.

Люди в Восточной Германии хорошо знали о подъеме западногерманской экономики и о свободе ее людей. Ничего подобного не было возможно в Восточной Германии; любую попытку протестов жестоко подавляли. Широко распространившаяся забастовка 17 июня 1953 года, которая началась как экономический протест, но быстро выразила более широкое политическое недовольство, была подавлена, когда советские танки были брошены на уничтожение демонстрантов. В результате много восточных немцев, главным образом молодых, здоровых и энергичных, «голосовали ногами», убегая в Западный Берлин в поисках убежища. Доступ в западный сектор был относительно безопасен; если только человек не нес с собой много багажа, его движению не препятствовали. Массовое бегство истощало ценные человеческие ресурсы Восточной Германии, но попытки остановить или замедлить его были неудачными.

Затем в 1961 году Ульбрихту удалось убедить советского лидера Никиту Хрущева построить физический барьер, чтобы удержать его население в Восточной Германии. 13 августа 1961 года берлинцы, проснувшись, увидели колючую про-

волоку, натянутую через контрольно-пропускные пункты, под охраной солдат, а также стали свидетелями быстрого строительства постоянных стен из бетона и кирпича. Стена немедленно разделила семьи и друзей, даже пары, которые уже обручились, чтобы вступить в брак. Хотя в первые годы несколько храбрых граждан успешно преодолевали Стену, роя туннели, используя воздушные шары, или находя другие новаторские средства спасения, Стена окончательно остановила поток беженцев. (В музее на контрольно-пропускном пункте «Чарли» показано много экспонатов и фотографий, рассказывающих о некоторых этих побегах.)

Стена перед Бранденбургскими воротами, 1965 год. Мальчики Уэйн (слева) и Марк, сыновья автора.

Стена около Контрольно-пропускного пункта Чарли. Мальчики охотятся за сувенирами. 1965 год.

Восточногерманским пограничникам было приказано стрелять в любого, кто попытался бы сбежать, и многие, кто пытался это сделать, погибли. Очевидный вопрос: почему те, кто запланировал сбежать, не бежали через границу, которая разделяла Восточную и Западную Германию? Эта граница тянулась от Балтийского моря на юг до Чехословакии, на расстояние 1398 километров (866 миль).

В 1950-х годах действительно был существенный поток беженцев через границу, но в последней части этого десятилетия попасть в приграничные области стало все более и более трудно. Для тех, кто жил в двадцатикилометровой зоне

от границы, требовались специальные пропуска. Общественный транспорт, идущий в пограничные районы, подвергался строгому контролю, и любого человека, не имевшего документов, доказывающих, что он живет в этом районе, останавливали и либо возвращали назад, либо арестовывали. Воды у Балтийского побережья тоже строго патрулировались, делая побег на лодке рискованным предприятием. К концу 1950-х поток беженцев, пересекающих границу по земле или по морю, был струйкой в сравнении с потоком людей, бегущих в Западный Берлин.

Одновременно со строительством Берлинской стены граница Восточной и Западной Германии тоже была закрыта, были построены заграждения из колючей проволоки, некоторые под током, другие со специальными ловушками. Возле проволочных заграждений была распахана контрольно-следовая полоса шириной десять метров, установлены наблюдательные вышки с небольшими промежулками, а пешие и моторизованные патрули постоянно искали любого, кто мог бы попытаться пересечь границу. Некоторые пытались, но очень немногим удалось убежать.

В течение сорока лет Восточная и Западная Германия существовали как независимые суверенные государства. Хотя они и были связаны общей историей и языком, они развились в различные общества: тоталитарная система на Востоке и либеральная, демократическая система на Западе. Наиболее заметное отличие между двумя государствами, однако, было в их уровне жизни. Западная Германия была экономически богатой, вестернизированной и ориентированной на потребителя, тогда как Восточная Германия была бедной, бесцветной и грязной от отопления бурным углем. Однако она не была бесклассовым обществом. Если на Западе элита приобретала свой социальный статус благодаря своему экономическому благосостоянию, то на Востоке элитный статус основывался на политике. Предпосылкой карьерного роста в ГДР было не только политическое послушание, но также и активное участие в процессе.

Существенным признаком процветания Западной Германии была ее потребность импортировать и нанимать рабочих из других стран («Gastarbeiter»), чтобы те делали черную работу, которую западные немцы уже не хотели выполнять. Это, в конечном счете, имело неприятные последствия: считалось, что эти временные рабочие вернутся к себе домой, как только они заработают достаточно денег; но вместо этого многие захотели остаться, привезти в Германию своих жен и завести семьи, создавая этим смешанное общество с различными языками, культурами и религиями. Это также создало люмпенизированный слой, который прежде не был заметен, и который создал головную боль для правительства,

ведь ему пришлось оказывать этим людям социальную помощь, контролировать их и заниматься их образованием.

В конце 1980-х годов, во времена правления президента Михаила Горбачева, Советский Союз начал процесс демократизации и экономических преобразований, что ослабило контроль над его сателлитами. Это позволило странам на периферии Восточной Германии – Польше, Венгрии и Чехословакии – сбросить с себя коммунистическое ярмо и стать более либеральными. Летом 1989 года Венгрия открыла свою границу с Австрией, и тысячи восточных немцев, которые отдыхали в Венгрии, воспользовались этой возможностью, убегая в Австрию, а оттуда в Западную Германию. Как только об этом стало известно, еще тысячи восточных немцев побежали через Чехословакию и Венгрию в Западную Германию, где их радостно встречали.

В Восточной Германии начала назревать революция, вызванная не изнутри, но потому что изменения произошли в других странах, где раньше доминировали Советы. Телевидение с Запада было популярно на Востоке. Население становилось чрезвычайно беспокойным. Большие антиправительственные демонстрации прошли в главных городах страны, включая Галле и Лейпциг. Первоначальные попытки остановить эти демонстрации были неудачными, и хотя противостояние иногда было напряженным, но кровопролития не было. Если бы такое кровопролитие произошло, в Восточной Германии, вероятно, могла бы начаться гражданская война.

Все население ненавидело Штази, службу госбезопасности, которая в течение сорока лет была главным инструментом репрессий и насилия в Восточной Германии. В Штази было пятнадцать окружных управлений, укомплектованных 102 000 штатными офицерами и сержантами. Кроме того, у нее было 174 000 «неофициальных» участников, так называемых сотрудников, шесть процентов которых еще не достигли возраста восемнадцати лет. Из 17 миллионов населения ГДР приблизительно 2 миллиона имели отношение к Штази, которая стала главной целью демонстрантов. Хотя иногда на демонстрантов наводили пулеметы, но выстрелы ни разу не прозвучали. Народ, ворвавшийся в помещения управлений Штази в ряде городов, обыскивал их. Хотя некоторых сотрудников Штази избили, а несколько совершили самоубийство, никто из них не был убит протестующими. Народ требовал полного роспуска Штази.

К концу октября 1989 года восточногерманское правительство поняло, что оно утратило свою способность управлять. 380 000 советских войск были размещены в Восточной Германии, и они могли бы подавить любое восстание (как они

это сделали в 1953 году), но по приказу Горбачева они не выходили из своих гарнизонов.

9 ноября 1989 года фактически все ограничения на поездки были сняты, и пограничники больше не контролировали доступ в Западный Берлин. Стена потеряла свой смысл. Ликующее население сломало ее, объединив тем самым Восточный и Западный Берлин. Выборы, проведенные в марте 1990 года, привели к голосованию за воссоединение двух Германий. 1 июля 1990 года в силу вступил валютный союз, когда Западная Германия предложила восточным немцам курс обмена их валюты один к одному, что почти разорило западногерманскую экономику (предыдущий обменный курс был четыре восточногерманские марки к одной марке ФРГ). В октябре 1990 года была создана единая страна, столицей которой стал Берлин.

В отличие от Нюрнбергского процесса после Второй мировой войны, в этом воссоединении не было никаких победителей или побежденных. Прилагались лишь очень небольшие усилия, чтобы преследовать по суду или наказывать членов прежнего восточногерманского режима за военные преступления, которые они совершили против своего народа. Исключением был глава Штази генерал Эрх Мильке. В 1991 году он был заключен в тюрьму за убийство двух полицейских в 1931 году. Его также обвиняли в том, что он отдал приказ стрелять по людям, пытающимся пересечь границу. Судебный процесс длился двадцать месяцев, и в 1993 году он был приговорен к шести годам тюремного заключения по обвинению в убийстве. Но уже в 1995 году Мильке был освобожден, а другие обвинения против него были признаны недоказанными. Другого бывшего высокопоставленного чиновника Штази Маркуса Вольфа, который был главой внешней разведки, в 1997 году приговорили к двум годам условно и штрафу, по обвинениям в похищении людей за границей. Его автобиография стала бестселлером в Германии.

Падение Берлинской стены символизировало развал Железного занавеса и конец Холодной войны. Но Германии все еще нужно было преодолеть множество препятствий. Культурные и политические различия, накопившиеся за сорок лет, не могли исчезнуть быстро, а в некоторых сферах адаптация продолжается по сей день. Но Германия – снова цельное, яркое общество, и успех этой страны является мощным символом для остальной части мира.

Благодарности

Идея написать эту историю вынашивалась мной в течение некоторого времени, ведь она описывает период, когда я впервые попробовал на зуб игру разведки – со всеми ее успехами и неудачами. Как и в случае с другими моими работами, я попросил, чтобы моя 61-летняя жена Викки бросила первый взгляд на черновики, что она и сделала, исправляя правописание, грамматику и синтаксис. Затем наша дочь Лайза, которая преподавала креативное письмо в старших классах средней школы, раскритиковала мой проект. Она сказала мне прямо: – Папа, если бы ты был моим учеником, то я поставила бы тебе только «удовлетворительно». Назад к исходной точке! Наш сын Уэйн тоже сделал заключительный обзор, и предложил полезные комментарии и предложения.

Осенью 2011 года Викки и я были в круизе, в котором мы встретились и подружился с Алейной Биксон ДеМартини и ее мужем Дэвидом. Когда она в разговоре однажды упомянула, что была профессиональным редактором, я сказал ей о моей неопытной работе с этой рукописью. Она предложила посмотреть на то, что я сделал до сих пор, и написала две страницы предложений для улучшения. Это привело к тому, что я «завербовал» ее в качестве моего редактора, и эту работу она закончила в январе 2013 года. Я всегда буду благодарен ей за ее преданность, усилия и умения.

Когда было решено переделать рукопись из биографии в беллетристику, изменения оказались глубокими, поскольку содержание книги потребовало реструктуризации от начала до конца. Первое лицо сменилось третьим, даты, места, и некоторые события были изменены, количество диалогов увеличилось. Редакторы издательства «Friesen Press» сделали мастерскую работу, и я им очень благодарен.

Нужно упомянуть и других людей, которые тоже оказали свою помощь:

Том и Триш Маккэнн из Монтерей, Калифорния. Том, отставной офицер разведки и адвокат, и Триш, фотохудожница, брали уроки креативного письма и предложили помочь мне более детально представить некоторых героев истории. Я с радостью принял их предложения.

Мэл Балагер из Сан-Диего. Мэл, отставной офицер разведки и психолог, рассказал о том, как можно победить детектор лжи.

Фред Голдсмит из Кларксвилла, Мэриленд, также отставной офицер разведки, просмотрел рукопись и предложил ряд улучшений. Мы знали Фреда (93) и его жену Элис с 1959 года, и стали близкими друзьями за эти годы. Он служил старшим офицером контрразведки в Берлине, во время значительной части того периода, когда происходили действия, описанные в моей истории. Как контрразведчик он был в уникальном положении, чтобы критиковать эту историю с оперативной точки зрения.

Джим Риглер и я – только два оставшихся члена команды из Бад-Киссингена. Он освежил мою память о многих инцидентах, описанных в этой рукописи, за что я ему особенно благодарен.

Когда я писал о послевоенной Германии, я в большой степени опирался на британского автора Мэри Фулбрук и ее книгу «Краткая история Германии» (издательство Кембриджского университета, 1990), на мой взгляд, лучшую книгу этого рода. Карта тоже взята из ее книги.

Мой собственный опыт с восточногерманской тайной полицией был ограничен. Для лучшего понимания этой организации я использовал книгу Джона О. Кёлера «ШТАЗИ» (Westview Press, 1999), вероятно, наиболее всестороннее рассмотрение этой организации. Господин Кёлер служил иностранным корреспондентом для «Ассошиэйтед Пресс» в Берлине и Бонне, и о большой части того, что он описал, он узнал из первых рук. Любой, кто хочет бросить серьезный взгляд на угнетение семнадцати миллионов восточных немцев их правительством, должен прочесть эту книгу.

(Примечание переводчика. Книга Джона Кёлера о Штази была переведена на русский язык и издана в 2000 году под названием «Секреты Штази. История знаменитой спецслужбы ГДР». Нужно также сказать, что Вилер, служивший в военной разведке США в Германии, ничего не пишет о деятельности в Германии в тот же период других спецслужб, в частности, ЦРУ и западногерманской разведки БНД. Тем, кто хочет пополнить свои знания в этой сфере, можно посоветовать обратиться, среди прочего, к следующим книгам: Дж. Бейли, С. Кондрашев, Д. Мерфи, «Поле битвы Берлин»; Р. Гелен «Служба»; М. Вольф «Игра на чужом поле», А. Вагнер, М. Уль «БНД против Советской армии». К сожалению, богатая американская и немецкая литература на эту тему остается большей частью непереведенной на русский язык.)

[Велесова Слобода, 2015 год.](#)